

ТРИ

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

ШЕРШАВЫХ ЯЗЫКА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Сергей Алексеев

Три шершавых языка

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Алексеев С.

Три шершавых языка / С. Алексеев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

История рассказывает о трех героях, их мыслях и стремлениях. Первый склоняется ко злу, второй - к добру, ну а третий - простак, жертва их манипуляций. Но он и есть тот, кто свободен создавать самые замысловатые коктейли из добра и зла. Кто, если не он должен получить главенствующую роль в переломе судьбы всего мира. Или же он пожелает утопить себя в пороках и чужой крови? Увы, не все так просто с людьми. Даже боги не в силах властвовать над ними. Человеческие эмоции, чувства и упрямое упорство не дают им стать теми, кем они могли бы быть. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Введение	5
Часть I. Детский дом	10
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	26
Глава 7	28
Глава 8	35
Глава 9	39
Глава 10	41
Глава 11	45
Глава 12	47
Часть II. Университет	52
Глава 13	52
Глава 14	58
Глава 15	61
Глава 16	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Введение

Интересно знать, я один здесь испытываю неподдельный ужас, провожая наш славный мир в пропасть своего существования? Уверен, что многие разделяют мои чувства. Тогда задам еще один вопрос: а вы видели того, кто, по преданию большинства религий, снизойдет к нам перед тем, как все полетит к чертям? Или, возможно, случатся какие-то события с его явлением, отчего людские страсти волшебным образом исчезнут, вера превратится в чистое знание, а мы заживем в сладостном духовном экстазе, следуя религиозным канонам и наслаждаясь красотой вечности и многогранности этого мира. Ну и ну! Нелегко это было сказать на одном выдохе.

На самом деле я с уверенностью не могу утверждать, какие именно события пророчили многочисленные прорицатели с началом пресловутого пришествия. Не помню или просто никогда не знал об этом. Впрочем, это и неважно. Тем более, они сильно разнятся от случая к случаю. Главное, что я бы подчеркнул: приключения нам обещают воистину невероятные.

Но почему я так уцепился за такие злободневные темы, как конец бытия и второе пришествие, спросите вы. Что же, если вам интересно, отважусь предложить окунуться в глубины моих мыслей, рожденных неустанными поисками изменчивой истины.

Так вот, все как обычно начинается для нового человека с его детства. Хотел я того или нет, но большая часть моей личности – это продукт влияния окружавших меня людей, моих родителей. Моя мать, пусть и была для меня добрым и уважаемым человеком, но всю свою жизнь она построила на фундаменте набожности и безусловной веры в каждый религиозный догмат. И, что хуже для меня, была вполне удовлетворена этим, как и всем прочим мирским. А я оставался озадаченным тем, что, несмотря на всю мою готовность и старания плыть по ее течению, я не находил в этом внутреннего утешения. Напротив, душа просто исходила негодованием, почему ее стена набожности стойко выдерживала удары судьбы, а моя, напротив, больно придавливала меня при первой же неприятности.

Всё свое детство я произрастал в очень небогатых районах лондонского пригорода, часто дрался, почти всегда был бит. А позже, по случаю и без, варился во внутреннем котле мук несправедливости. Мне никак не удавалось понять, почему я беднее всех в классе, каким образом моя одежда оказалось самой унижительной своей скромностью и за какие грехи я всю жизнь несу бремя низкорослика, в отличие от своих счастливых ровесников.

Будто «в награду» за все эти бедствия моя мать отказывалась понимать мои чаяния, или я ее не понимал. Вместо поддержки и воодушевления она приоткрывала тайны адских мук, что ждут непослушных детей, когда те оказываются на том свете. Всем воздастся по деяниям, повторяла она. Всех до единого ждет Страшный суд. Знаете, это самое утешительное, что она могла предложить. И я какое-то время отчаянно ждал его, предвкушая, как увижу муки своих обидчиков, как выставлю напоказ свою правоту личным спасением. Хм! Простите, я уже и не припомню в точности, какие именно картины рисовал я в своей детской головушке.

Вернемся, пожалуй! Как все прочие адепты той или иной зависимости, мать отчаянно пыталась распространить свою веру вокруг себя, отчего доставалось соседям, нечистым на руку продавцам с лотков и просто неудачливым ротозеям. Но большую часть ее вливаний принимал, как правило, я.

С отчаянной решимостью она отстаивала любую библейскую легенду, напирая на важность упомянутых событий для всей последующей истории рода людского. Как итог, над ней посмеивались и отпускали злые шуточки, не забывая заодно и про меня. А я опять оказывался в замкнутом круге драк и внутренней тирании. После чего я находил себя в тупике, когда мои мысли, напротив, радостно бесновались в хаосе и декадансе. Но я упорно пытался разобраться в них, расставить все по своим местам.

Нередко, когда я уже был в постели, после очередной порции веры, мой сон отправлялся на прогулку в темноту окрестных улиц, лишь бы подальше от моих размышлений и моего одиночества. Я один, с глазу на глаз с чем-то, что я не мог в достаточной мере понять и объяснить. Подчинись и обретешь сон – говорил внутренний голосок, но я не мог. И чем сильнее меня пытал этот противоречивый пресс религиозных писаний своими, как мне казалось, неувязками, тем упорнее мой разум противился вере, мучил меня. Совершенно несправедливо давил тяжелыми катками совести за мое бунтарство. Да на чьей же ты стороне, моя совесть?

Все еще теплилась надежда на чудо, вечно заставляющее себя ждать. Где-то терзали муки недомыслия, будто я не мог в чем-то разобраться, в чем-то очень важном и все объясняющем. И я строжайше винил в этом только себя. То ли зернышко познания, то ли какая-то другая мелочь крутилась перед носом, но я упорно не мог ее ухватить. До самой старости не ухватил.

Лишь много позже я все же стал понимать, в чем сокрыта истина. А если быть точным, с каждым периодом своей жизни принимал на веру отдельные свои рассуждения. И да, признаюсь, так спасительно было думать.

«Так откуда были эти смятения?» – спросил я себя, взрослого и уставшего от жизни человека. «Однозначно, я хватался не за ту соломинку», – отвечал мой внутренний голос.

Сейчас, как исследователь и писатель, я виню во всех своих стенаниях природу самих мужчин. Мужчины и вправду являются логиками. Нам со времен каменного века всю свою жизнь приходилось думать трезво, логично, целенаправленно. Иначе гибель потомству, всему племени! В нас природой заложено разбирать по полочкам любой мучающий нас вопрос. А потом несем его в свой дом, отдаем жене, а она готовит из него бутерброды.

Будто назло нам женщины пошли другим путем. Немного сказочности, красивого лукавства и поэтической красоты, словно плющ, оплетает столб многовековой мудрости народов. Затем счастливая кульминация с возможным продолжением, и вот вам самое гениальное произведение, действительно достойное прочтения.

А герои, давайте взглянем на них. Это сильные и умные мужчины, некоторые даже весьма успешны. Они целеустремлены, они уверены в себе и внешне хороши. Приходится ли им ступать по краю пропасти? Обижаете! Длинноволосые ловеласы с идеально подстриженными бородками глядят на нас с икон в ореоле мудрости и лучей божественной силы. И скорее всего, даже у самых искушенных дам подкосятся ноги при размышлениях о них. Что говорить о прочих скромных женщинах?

О боги, думал я обо всем этом, что же вы делаете? Зачем вы мучаете нас? Почему ввергаете в сомнения? Но, возможно, в этом и есть гениальная мудрость, продуманная до мелочей, ведь веры должно быть ровно столько, чтобы мир не оказался статичным.

Подобно тому, как прохладный воздух, встречая теплый, рождает ветер, так и вера с сомнением создает движение, ибо остановка для человечества губительна. Я бы сказал, остановка уж точно не является определенной целью. Правдами или неправдами, но людские массы мечутся, сталкиваются и, в общем-то, движутся, пока кое-что не найдут... Вот так мы оказались в этом потоке, а с нами животные и растения, каждая клеточка нашего тела, каждая планета и галактика. Ну и как я начинал, все мы к чему-то однозначно приближаемся.

И в этом отступлении для многих как раз есть место для веры. Не просто же все это так. А спросите сейчас меня: верующий ли я? Да, верующий! Как никто в этом мире, отвечу я. Но не спешите делать скоропостижные выводы обо мне. Не все так просто, как видится на первый взгляд.

Вот так, с началом сознательного детства, идея второго пришествия мне показалась настолько важной, что своей собственной жизни я торжественно поклялся стать свидетелем (а в глубине души и участником) именно такого события. Разумеется, я не ждал его в том виде, как оно исполнилось в первый раз. Я согласился принять любой сценарий. Но то, что все начнется с одного особенного человека, для меня было совершенно очевидным. Окажется ли

он гениальным политиком, оратором, философом или воином, кто знает? Великим учителем или мучителем? Я и этому дам добро. Возможно, ему просто удастся сплотить вокруг себя группу полезных людей, и этого хватит с лихвой. Но для меня и, думаю, для вас, я надеюсь, совершенно ясно: именно он привнесет в этот мир то, что все мы так ждем, хоть сейчас и не знаем, что именно. Уверен, мы все сразу узнаем его, и тогда ничего доказывать не придется.

А вот сейчас я, пожалуй, отброшу всякую скромность! Вооружившись ушами, глазами, как и прочими органами чувств, я спустя годы добился своего. Да, все так! Все так... И увы, как многие, воздвигнувшие на пьедестал своей жизни нелепые мечты, я испил глубочайшую чашу горьких разочарований. Хуже того, просто к чертям собачьим выбросил свою драгоценную молодость и зрелость. Потому, дабы избавить вас от подобной участи, убереечь от крайне ошибочных устремлений, я решил рассказать одну престраннейшую историю. Конечно, она и не претендует на престол ветхозаветного чтива, но все же она довольно честна. Честна, в том числе в деталях, мелких нюансах, и потому многим может не понравиться.

Кстати! Если пожелаете, то предлагаю проверить и убедиться, что каждый ее кусочек нашел свое место в человеческой хронике. Не спрашивайте меня, как я узнал все тонкости произошедших событий, как я смог пролезть в головы героев, ибо я расскажу об этом в самом нужном для этого месте.

Для начала я просто обязан удивить вас, дорогие читатели. Второго мессию, назовем его так, вы скорее всего уже наблюдали и, думаю, не раз. Кто знает, возможно, вы пару минут назад любовались им в отражении зеркальной поверхности? Да-да, и я не шучу!

Смеетесь?! И я тоже смеялся, когда в телевизионном экране диктор с долей иронии представлял очередного мессию. Помнится даже, как новым Иисусом вызывался стать коренной японец. Так-так, думал я. Почему африканский континент все еще молчит? Надсмехался глупец, пока некие мысленные рассуждения, пришедшие под старость лет, не заставили как следует поперхнуться во время ужина. Мать моя женщина! Почему же я раньше не догадался?

Прежде, я желал бы дополнить ваши знания обо мне, чтобы и дальше не быть скромным. Я журналист и главный эксперт одного из известных журналов по эзотерике, пришельцам и всяким там теориям заговора. Хотя, это, конечно, громко заявлено – про известный журнал, должен признаться. Вы давно держали такой в своих руках? И я сомневаюсь. Но желая добавить немного веса своему авторитету свидетеля и рассказчика, я отвечу. Открыв любую новостную страницу и опустив свой взгляд немного вбок и вниз, вы обязательно найдете небольшие статьи из нашего свежего издания. Например, о местонахождении планеты Нибиру, рептилоидах и прочей информации, крайне важной для людей, думающих не только днем насущным.

Простите, что я постоянно прерываю свой монолог, я немного рассеян и болтаю оттого немало. Как человек наблюдательный и вращающийся в эпицентре всяких загадочных событий, как человек ищущий и коллекционирующий истории, я был свидетелем такого чуда рождения и жизни. Лишь тогда, и только тогда, когда я принял эту вечную философию. Посему с полной уверенностью могу утверждать, что второе пришествие происходило уже не раз и даже не дважды, а скорее, с древнейших времен превратилось в повседневную ежеминутную рутину.

Пожалуй, я должен глубже прояснить свою идею. Каждый раз, когда рождается ребенок, он, конечно же, является божьим дитём, во всех смыслах божьим. Отбросьте сомнения, призываю вас! В нем заложен определенный потенциал, и да, я говорю даже о том самом потенциале. Возможно, Бог устал посылать своих посланников, а быть может, отчаялся.

Но вы меня, конечно же, спросите, желая уязвить мою догадку: так в чем же дело, почему нет заветной кульминации, что мы все так ждем? Вопрос не праздный, и причин для этого примерно столько же, сколько существует вариантов человеческих решений, а затем цепочки действий на всем отрезке жизни взятого к примеру индивида.

Не буду долго рассуждать и выражу это так. Мы имеем миллиард причин, чтобы второго пришествия в том виде, в каком мы хотим его наблюдать, не произошло. Но все же определен-

ные правила и закономерности существуют и позволяют нам хотя бы отчасти прикоснуться к своим ожиданиям.

Для себя я познал и признал первый парадокс, имеющий глубокий нравственный перед людьми смысл. Назовем его идеей совершенного равенства. Не секрет, что древние религиозные книги пропагандировали что-то подобное, но потом это стало неудобно, зато осталось в сказках.

Отказу от равенства по рождению благоприятствовал резкий всплеск книгопечатания в Средние века, когда холоп не мог стать носителем подлинного учения. Холоп должен знать свое место, но и из пошлой знати тоже святоши не очень-то получались. Потому житие святых абстрагировалось от рождения в хлеву с овцами, за исключением одного известного нам случая. Но мы-то с вами понимаем, что в те темные времена большей удачей было родиться в жалкой лачуге, чем в пасторском доме.

И как тогда в книгах принялись рождаться святые? Так и рождались – святыми. Зачастую они с грудного младенчества соблюдали пост, если верить писаниям, всю жизнь являлись примером для подражания, даже для зрелых людей, и в конце концов, оставив свое слово, умирали как святые, запечатлев свои образы на иконах.

Не верю ни единому слову! Все это красивая сказка! Кроме того, такая постановка идеи разрушительна для любой религии, топором разделяет касту святых от простых смертных. Право быть суперменом – право избранных, без факта заслуги за дар – на тебе, и все тут. Представьте, что может родить в умах людей такое явление? Кроме того, давайте вспомним, кого в этом мире не испортили деньги и власть. Понимаете, о чем я?

Только в умах бумагомарателей на нас ярлыки с разными расценками, но перед истинным Богом мы все без исключения равны, какими мы ни были, в том числе мы равны перед правом быть великими врачами человеческих душ.

Лично я всегда признавал подлинных богов и всегда был уверен, что историю с известным шаблоном нужно переписать. Как, спросите вы. Да очень просто! Он родился обычным человеком, рос обычным ребенком, лишь маленькое зерно чего-то там (назовем это зерном божьим) было посеяно в его разуме. Такое зерно можно встретить в гениях и безумцах, ученых и композиторах, но, согласитесь, их дарами мы пользуемся все.

Продолжу. Вот так обычный человек живет, но день за днем через самосовершенствование, через работу дара разума он становится тем, кем мы его знаем. Равный по рождению со всеми нами, смертный, как и мы все, казненный и возрожденный, вследствие доведения уровня своего сознания путем самодисциплины и самовоспитания до равного с Богом совершенства. На склоне жизни он являет миру ярчайший пример следования чистым человеческим законам и любви. Вполне заслуженно, не правда ли! Хочется ли идти за таким человеком? Ответ – да! Грех не пойти.

И мой сегодняшний рассказ будет о таком же человеке, об одном из нас. Пусть он не стал этакой яркой звездой, ведь тех, кто о нем что-то слышал, можно по пальцам пересчитать. Но для этого были и есть свои причины. Вы спросите меня, как я узнал, что он именно тот, кого я искал? И об этом вам станет ясно из моего повествования.

Хотите узнать, как я наткнулся на него? Да нет ничего проще. Все самое интересное в этом мире происходит только в тех местах, где идет истинное кипение человеческих страстей. И я уж точно упомянул не о ночной жизни мегаполисов. Чтобы еще ближе добраться к искомому объекту, правильным было поинтересоваться у людей, повидавших многое на своем веку. Не будь высокомерным занудой, ищи совета даже у самых опустившихся, самых противоречивых представителей человеческого мира, и ты рано или поздно натолкнешься на нужный тебе указатель. Я ответы на свои вопросы обрел в самой закрытой тюрьме Штатов для пожизненно осужденных. И самое забавное: к тому времени меня это не только не удивило, а даже показа-

лось логичным. А ведь много-много лет назад я взялся за свое дело отнюдь не с того конца. Ну и ладно. Черт с ними, с потерянными годами. Проехали...

Итак, нам пора отправляться в путь и начать его, пожалуй, стоит с одного замечательного местечка в глубине западной Европы 1989 года.

Часть I. Детский дом

Глава 1

Детский дом, с которого начинаются события этого рассказа, располагался в старинном каменном здании с высокими колоннами и огромными бальным и гостиным залами, кои сейчас в несколько рядов занимало бесчисленное количество двухъярусных коек, до отказа набитых несчастнейшими из людей. Само же здание нашло свое место в восточной части Германии, в свою очередь, отошедшей Советскому Союзу сразу после Второй мировой войны. Роскошь у Советов была не в почете, да и число беспризорных детей в послевоенный период оказалось достаточно пугающее, потому старинный дворянский особняк взмахом перьевой ручки превратился в заведение, удовлетворяющее двум этим задачам. Трехэтажное здание предусмотрительно поделили на женскую и мужскую половины и, кроме вышеописанных колонн и залов внутри, множество комнат и кабинетов приспособили под ясли для совсем юных малышек и служебные помещения.

Вокруг самого особняка раскинулись обширные пространства запущенного английского сада с множеством дорожек, кустов, лавочек и воспользовавшихся свободой от стеснения старинных деревьев, повидавших немало царственных персон на своем веку. Нередкие гости, приезжавшие сюда перед войной, могли любоваться искусными скульптурами в древнеримской стилистике, но полуголые торсы женщин и мужчин уж точно не должны были ласкать взор юных глаз. К тому же неизвестные герои ушедших эпох не соответствовали требованиям новой политической системы.

В семистах метрах от особняка находилась школа, куда и отправлялась учиться беспризорная детвора. Там же получали знания и обычные дети из города. Крайне унижительно казалось детдомовским ребятишкам вышагивать до нее четким строем между другими свободными людьми. И хуже того, под бой пионерских барабанов. Некоторым воспитателям это почему-то ласкало слух. Совсем юные держались за ручку со своей парой. Те, что повзрослее, пытались идти, засунув руки в карманы, словно шли сами по себе. Мальчишки благополучных семей смотрели на такие походы с издевкой.

***

Нельзя не согласиться с той мыслью, что любое место, где живут люди, может быть не таким уж и плохим, даже очень неплохим, если бы сами люди, по эгоистичным причинам, не старались превратить его во что-нибудь изысканное до омерзения. Можно до бесконечности винить в этом человеческую природу, но здесь я думаю, не стоит об этом рассуждать слишком много.

Детский дом не был исключением из правил, так сказать, самых человеческих взаимоотношений. Каждый там, в бегстве от эмоциональной и материальной нищеты и несвободы, занимался тем, что отбирал друг у друга малейшие крупинки неожиданно привалившего счастья. И они переходили от одного к другому – от слабого к самому твердолобому, от умного к самому твердолобому, от самого маленького ну опять же к самому твердолобому. Ладно, если бы оно было только материальным. Но лишь стоит только улыбнуться, вырвать, черт возьми, отвоевать из этого гнилого мирка крохотный кусочек счастья, как из какого-нибудь угла шипела очередная змея: «Что зубы скалишь, жизнь, что ли, веселая?»

Невероятно трогательными казались события, когда щедрые на любовь дальние родственники раз в год, а если повезет, и дважды, отправляли своим золотцам посылки со всякой воделенной здесь снедью. Как правило, небольшая коробочка вскрывалась и тщательно проверялась на предмет исходившей опасности. Затем выставлялась на общий стол. Виновника

торжества поздравляли, с чем его следовало поздравить, и далее, будто по команде, сотни рук одновременно врывались в глубину подарка судьбы. Словно после разрыва гранаты, секунды спустя на столе валялись куски картона, разорванные обертки, крошки шоколадных плиток и драные полиэтиленовые пакеты. Вокруг места события тоже ни души, точно бы ничего и не произошло. Позже, конечно, все награбленное вынималось из карманов и тайком поглощалось. Новеньким было невдомек, ведь работать следовало двумя руками. Можно и даже нужно резче толкаться плечами, и ничего зазорного в этом нет. Но наука приходила с первого раза. Гордо стоящих и с сытым надменным видом вззирающих на такое явление природы со стороны не находилось.

Увы, несмотря на всю армаду воспитательных мер, характеры и таланты многих мальчишек, а иногда и девчонок, зачастую оттачивались отнюдь не в лучшую сторону. И если взглянуть тогда на детей взрослым и опытным взглядом тюремного надзирателя, то можно легко предположить, кто и кем встретит свою взрослую жизнь и достойную старость. В общем, несмотря на все старания, немалая часть невольных обитателей детских домов стабильно наполняла тюрьмы.

Тем не менее, это совсем не вина детей, когда они отказывались признавать ценности цивилизованного общества. А тем более, не стоит им указывать на их нежелание стать маленькими, но, конечно же, важными винтиками большого человеческого механизма. Почти каждый из них имел хотя бы одного из родителей и, следуя логике, пережил самое грандиозное предательство в своей недолгой жизни, на какое только способен человек. За измену родине и в лучшие времена вели на эшафот, и если глубоко не вдаваться в подробности, то здесь имела место показная верность куску земли или клочку цветной тряпки, нанизанной на палку. Но, черт возьми, никогда за собственных детей. Хотел бы я посмотреть на вас, когда бы вы узнали их приключения на пути во взрослый мир. Сравнили свои крайние неудобства с их жизненным опытом. Одни только их глаза бывают едва ли менее выразительнее тех глаз, с фотокарточек истощенных узников концентрационных лагерей времен фашистской Германии.

Итак, чем же знаменит 1989 год? А знаменит он тем, что 9 ноября Берлинская стена наконец-то рухнула и дала старт развитию нашего сюжета. Вернее, события нашего рассказа начинаются вблизи этой даты. Перед этим в заведении витало немало разных надуманных слухов, и большинство из них не внушало подлинной радости. Кому достанутся дети, спрашивали все, и чаще задумывались над этим сами виновники вопроса. Останутся ли они на месте, или их отправят на четыре буквы, в глубину снежного королевства? До самой последней секунды вопрос так и висел в воздухе. В конце концов, старший воспитатель построила всех в расположении и объявила о начале новой жизни в новой стране, но, разумеется, на прежнем месте.

– Доброго вам дня, граждане единой Германии, – провозгласила она.

Глава 2

Его звали Курт, и был он одним из тех, с кем в детском доме даже отъявленным негодьям не хотелось иметь никаких дел. Каждый молокосос здесь понимал, что, столкнувшись с ним, не на словах, а на деле рискуешь познать, насколько он силен, умен, а главное, опасен. Потом уже не будет ни одного шанса вернуть свой статус, ни единой возможности довольствоваться теми же привилегиями, что были доступны прежде. А Курт никогда уже не переставал напоминать негоднику об ошибке на жизненном пути. Так и будет держать в черном теле, пока тот не покинет заведение. И если Курту что-то приглянется, то без лишних церемоний присвоит себе. Ему нужнее, и все тут. Возрази, и совсем твое дело пропащее.

Конечно, врагов он нажил себе немало. Но, что стоит отметить, оградой единомышленников он тоже не спешил себя окружить, как обычно это происходит в жизни. То ли род людской ему наскучил, то ли навыки управленца проявились в нем в столь раннем возрасте... Хотя это скорее воспитание. Потому друзей у него однозначно не было, а подхалимы и вовсе обходили его стороной. Вот он и жил таким ястребом, вечно голодным и одиноким, но почему-то удовлетворенным этим. В точности осознающим, что и зачем он делает.

Внешне он выглядел не столько взрослей, сколько серьезней парней своего возраста. Замечу, что многие из воспитанников были старше его на период описываемых событий. Иногда на три-четыре года. Да и с виду он не был таким задирой-бойцом, что часто озадачивало любопытствующих. Наглецом – может быть, лицемером – отчасти, но отнюдь не поклонником кулачных боев с мятыми ушами, сбитым носом и разросшимися надбровными дугами. Нет, напротив. У него было вполне приличное лицо молодого человека совсем не рабоче-крестьянского класса. Этаким подтянутый, сдержанный потомок интеллигентной семьи, может быть, от политики или высокого искусства, со свойственными их сословию манерами и тонким складом ума. Любой, кто бы встретил его впервые, не имел бы какие-либо нелюбимые предубеждения относительно него. Но став ему врагом, побаивался бы и ненавидел всей душой. Гремучая смесь его железной воли, невероятной силы, решимости и отличных манер ввергала в безумную пляску мыслей разум пытавшихся раскусить его людей.

Генетика одарила его более рельефными пропорциями тела, чем его обычных сверстников. А пышная копна волос отливавшим на солнце нефтяным блеском с ума сводила всех девочек и старших, и младших групп. Хотя правилами не позволялось носить длинные волосы, вернее, длиннее, чем стрижет машинка, но только его персонально эти правила обходили на трех заключительных классах обучения. Ему позволили потому, что какой-никакой, но порядок в детском доме держался на нем. И только благодаря его влиянию самые беспринципные мальчишки довольствовались тем, чем им позволялось довольствоваться уставом заведения.

Прямой римский нос не скрывал уверенного в себе человека, выраженный подбородок, а между ними сияла постоянная то ли улыбка, то ли усмешка, будто вся жизнь была для него и удовольствием, и приключением, и глупой иронией. С трудом удавалось различить сквозь нее настоящие эмоции и настроения, витающие в его голове, но лишь его взгляд говорил за него.

Словно сатана, взиравший из дыры в ад, были его глаза, когда в нем закипала ярость. Черные, как агат, на неподвижных белках. Будто гигантские хелицеры паука-птицеда, замирали в дюйме от лица противника, осмелившемуся выдержать его взгляд. Невольно у храбреца мысли разлетались по углам, а сердце металось как бешеная канарейка. Что делать, чтобы выдержать, чтобы не показать свою слабость, чтобы достойно выйти, да господи, просто сбегать без оглядки из этой глупой игры? Но голова затуманивалась, слезы текли ручьем, он часто моргал будто первоклассник, он проиграл.

Что совершенно точно не нравилось Курту, так это поднимать свой голос. Никто в его присутствии этого также не делал. Всегда спокойно, взвешенно, вздумчиво. А уж тем более,

никто его не видел раздраженным. Хотя не знаю, что было хуже: его гневный взгляд или болтовня? Обычно он был немногословен, но, бывало, если и открывал свой рот, то кому-то обязательно становилось плохо. Жестокие расправы всегда заканчивались поучительным монологом, слишком заумным для любого подростка.

Как у любого другого лидера, были у него и пороки. Курил он постоянно и с тем же пафосом, с каким это делают голливудские герои времен Дикого Запада. Для него словно и не существовало запретов, несмотря на самую жесточайшую борьбу с этой отравой в детском доме. Каким-то загадочным образом, но на глаза надзирателей с сигаретами в зубах он не попадался. Непонятно было вообще, где он их доставал. Но все же шлейф дыма постоянно витал за ним.

Вместе с тем странный запах сопровождал его повсеместно, и учуяв его, почему-то в голове следовал образ загорающихся спичек. Хотя он и вправду любил пользоваться спичками, именно теми, что легко зажигались щелчком ногтя. Увы, но такие были исчезающей редкостью, потому его все чаще замечали с зажигалкой. Настоящая бензиновая Zippo впоследствии стала его самой любимой игрушкой. Вечером, когда все уже спали, Курт садился у окна, курил в форточку. Щелкая крышкой, он глядел задумчиво на улицу и слушал, как поют сверчки. А когда шел дождь, с окна его вообще было не оторвать.

Да, прозвать его злодеем язык никак не поворачивается. Скажу даже больше, он был по своему мудр. Но мудрость, вы и сами знаете, не всегда раскрывается сразу. Спроси сейчас любого, с кем он много лет делил кров в детском доме, и тот немедленно расплывется в хвалебных дифирамбах. Вот скажет, был человек, каких больше в жизни не встретишь. И почему я с него пример не взял. Сильный, умный и последовательный! А воля, а характер! Я ни разу не видел, чтобы он перед кем-то склонял свою голову. Ему бы бизнесменом стать, а лучше политиком большим. Вот он уж точно бы прославил нашу страну и нацию.

***

О его матери узнать ничего не удалось, словно ее и не было вовсе. Но она все-таки была, и почему-то это стало табу для всех. Зато про отца кое-что могу рассказать. Некогда известный в широких кругах спортсмен по боевым единоборствам, он перечеркнул свою карьеру женившись и вслед обзаведясь потомством. Не буду лукавить, говоря, что он сильно тосковал по спортивной жизни. К тому времени ему, тридцатидвухлетнему куску мяса, до смерти надоело мутызгать своих давно заученных оппонентов. Тем более, молодежь все сильнее подпирала, отнимая у него и здоровье, и уверенность в будущем. Потому, это решение ему далось достаточно легко.

А далее как всегда, по накатанной. Попробовав себя на нескольких предприятиях и в строительных организациях, он глубоко убедился в том, что нет для него хуже жизни, чем на службе кому-либо еще, кроме себя. А тем более выползть из постели в ранний час и словно рабу механизма, вопреки своему желанию, стоять за конвейером. Кое-как он получил копеечное место в спортивном клубе, где вел секцию по единоборствам. Там же, с пятикратными нагрузками, тренировал своего единственного сына. Всегда грубо, жестоко, безжалостно. Не столько потому, что его подпирал жизненный опыт, сколько в действии таком он отыгрывался за все свои прошлые неудачи.

В определенный период Курт часто ссорился со своим отцом, даже сбегал из дома несколько раз. Последняя его вылазка, кстати, продлилась несколько месяцев. Видимо, в таких походах, ночуя где придется и общаясь со всякой шпаной, он и подхватил долю своей внутренней мудрости и житейскую хваткость.

Вернемся, пожалуй, к сказу об отце. Озабочась давящим на душу недостатком денег, он начал заниматься распространением не очень законных препаратов для самых успешных спортсменов. Случилось невероятное: кто-то откинул лапки во время соревнований благодаря его фармакологии, после чего он упек себя за решетку, всерьез и надолго. Откуда взялся стрихнин в препарате, он объяснить не смог, но, видимо, о чем-то догадывался. Разумеется, у Курта

были еще кое-какие родственники, но нет, он оставался здесь, в детском доме, и навещать его никто отнюдь не спешил.

Кстати, вовсе не он является главным героем данного пересказа, впрочем, и второстепенным тоже. Потом сами для себя решите, кто главный здесь, кто прав, кто виноват. Черда последующих событий, произошедших в детском доме, связала его с еще одним человеком, притом совершеннейшей его противоположностью. Почему? Сразу и не разберешь. Черт его знает, что творится в головках этих непонятных людей.

Глава 3

Прежде я должен сказать от себя, что никогда не соглашусь называть детей жестокими. Я считаю, жестокость, как и честность, верность и чувство благодарности, прививаются через простое человеческое воспитание, через личный родительский пример. И да, бывает, дети все же совершают определенные поступки, что волосы дыбом становятся. Но думаю, это не более чем любопытство на грани жестокости, потому что не научены видеть границы жестокости. Где кончается любопытство и начинается жестокость, разъяснить в данном случае было некому.

Так вот, однажды у одного шалопаия в расположении завелась большая коробка хозяйственных спичек. Ценность таких предметов, при всей скукоте жизни в детском доме, была несомненна, и они мгновенно нашли свое применение. Спящей жертве между пальцами ног осторожно, чтобы не разбудить, делалась закладка и затем поджигалась. Под всеобщее ликование бедолага вприпрыжку вылетал из постели и отплясывал свой особенный дикий танец, издавая при этом звуки боли и испуга. Хуже всего приходилось тем, кто не спешил расставаться с царством Морфея и долго приходил в себя. Пока спички закладывались в ноги очередной жертвы, предвкушение события озвучивалось сдавленными смешками ротозеев, желавших знать, какими танцами их сегодня порадуют, какие песни им споют. Хотя некоторые из них и сами успели побывать в шкуре битой овцы.

То же самое произошло и с человечком по имени Марк. Грохнувшись со второго яруса кровати, он, полулежа на своем заду, бешено дрыгал правой ногой, как будто отбивался от самого сатаны. Вдруг осознав, что и с левой ногой беда, начал трясти ими обеими. Справившись с напастью, он оглянулся и обнаружил вокруг себя добрую сотню гогочущих воспитанников. Теперь-то он догадался, какой забавы ради он стал жертвой. Потемки, чужое ликование, ничего не видно, больно и страшно. «Что с моими пальцами, – думал он, – все ли кости целы после такого падения об пол и куда мне податься дальше?». Но ничего другого ему не оставалось, как встать на ноги и под еще больший всплеск хохота довольной толпы проковылять в умывальник. Туда, где всегда горел дежурный свет. «Дьявол вас неминуемо покарает», – тешил себя надеждой Марк.

***

Этой же ночью произошло еще одно событие, и именно оно заставило выйти из тени нашего героя.

– Эй, кто это..? Какого черта ты делаешь? – послышался возглас в потемках спящего помещения.

– Что орешь? – ответил ему более тихий голос, и затем прозвучал звук глухого удара.

– Отпусти, ты совсем очумел? – но резкий звук снова прервал его монолог.

– Не ори, сказал!

Шум был негромкий, но проснулись все до единого, словно по сигналу пионерского горна. Драки хоть и не были здесь завидной редкостью, но всегда вызывали всеобщий интерес. Но что все-таки произошло?

В предрассветной полутьме стоял Курт и через прутья спинки второго яруса кровати тянул ногу главного задиры расположения, захватив ее арканом поясного ремня. Другой конец ремня он намотал на свое левое запястье, отчего голая ступня бедолаги попала в полное распоряжение Курта.

– Убери свои крюки от меня, я вылезу отсюда и убью тебя, – снова начал голосить первый.

– Сам не убейся! – был ему ответ, поражавший своей наглостью и спокойствием.

Все было тщетно, а угрозы бессмысленны. Каждый здесь живущий знал, что Курт – самый сильный и неоспоримый лидер во всем здании.

– Эй, у кого спички в распоряжении? – низким голосом проорал Курт. – Меня что, не слышно? Бегом... сюда... спички! – повторил он, делая угрожающий акцент на каждом слове.

В дальнем углу помещения со второго яруса кровати грохнулось чье-то тело, затем оно судорожно что-то шарило в матрасе, и вскоре босые ноги, шлепая по полу, предстали перед Куртом.

– Открой и держи, – услышал Барсук приказ. Нерадивый хозяин спичек был почти без шеи и имел плоский череп.

Курт схватил сразу несколько спичек, затем методично принялся набивать ими каждую свободную щель между пальцами пойманной в петлю конечности экс-поджигателя. Но непослушная чужой воле нога сопротивлялась и расшвыривала спички, испытывая терпение Курта.

Разозлившись, он бросил свое дело, достал зажигалку, открыл и, чиркнув роликом, прислонил ее к пятке, так что жаркий огонек принялся ласкать голую кожу. Нога задержалась в бессильном стремлении избавиться от источника боли, и ее хозяин начал рассыпаться проклятиями, а затем и выть. Спасение было близко, если, конечно, дежурный воспитатель заглянет в расположение. Но как всегда эти увы...

– Я тебя буду жарить, пока ты мне не станцуешь, – прошипел Курт. – Слышишь меня?

Не дождавшись вменяемого ответа, он щелкнул зажигалкой и спрятал ее в кармане. Затем снова взялся за закладку спичек. Пальцы чужой ноги на сей раз вели себя послушно.

В конце концов, полностью удовлетворившись своей работой, Курт высыпал лишние спички из рук и зажег одну щелчком о свой ноготь. Ее он поднес к подготовленному кострищу, которое с шумом принялось разгонять окружающую темноту.

Ни одного звука, даже сдавленного смеха или болезненного сочувствия, в этот раз никто из себя не выдавил. Лишь мертвецкая тишина, которую, словно сопротивляясь, отчаянно борясь, но в конце концов прорвал дикий вопль боли.

– Глуши сирену подушкой, и быстрее, – приказал Курт босоногому. – Ты тоже ему помогай, – кивнул он головой лежащему на нижнем ярусе под жертвой мальчугану.

Босоногий не был достаточно расторопен и отважен, отчего получил ускорительный удар по лбу, и подушка, наконец, приземлилась на лицо мученика, тщетно пытаясь его заглушить.

К счастью, спичкам не удалось догореть до конца. Невероятными усилиями и мелкой работой пальцев бедолага успел их вытолкать, хотя и очень поздно. Позже он ходил хромя, кожа в месте ожога облезла, а рана мокла и сильно воняла фаршем, приправленным чесноком. Так он и получил свое прозвище – Чеснок.

– А теперь два правила, я хочу, чтобы вы уяснили, – объявил Курт, когда он, наконец, отпустил ногу. – Первое: никому ни слова! И второе: этого ханорика больше не трогать!

Вот уж что-то, а такого никто не мог ожидать. Ко всеобщему удивлению, Курт указал вытянутой рукой на кровать Марка, на которой он сейчас восседал, подчинившись детскому любопытству.

– Я, и только я буду делать из него человека, – продолжил Курт. – Это теперь моя шкура!

Ответ обозначился общим молчанием. Все были согласны на все, что угодно душе Курта.

Глава 4

Марк был именно тем, кого обычно называют мальчишкой для битья и каких всегда можно встретить во всех подобных коллективчиках. Его постоянно колотили и еще чаще издевались над ним. В его школьные тетради нередко плевали, одежду же часто прятали. А однажды ее плотно забили шваброй в унитаз, просто смеху ради.

Одни испытывали благодарность к нему, что есть над кем издеваться, другие – что издеваются не над ними. К тому же это давало право признания себя не самым жалким человеком на земле, заметив такого со стороны. Многие дети позволяли себе иметь свои собственные игрушки, любопытные вещицы, но только не он. Все его добро делилось между местными задирами, едва побывав в руках хозяина.

Друзей для Марка также не нашлось, даже среди схожих по темпераменту неудачников. Всему виной были его раздражающие успехи в учении, высокие даже для мальчишек с города, имеющих пап и мам.

В детском доме не приходилось озадачиваться поиском еды и крыши над головой, но всегда кипели страсти по поводу качества самой еды. Казенная пища и вправду была если не омерзительной, то пресной и безвкусной. И потому обостренный детский разум, при сильном ограничении в сладостях, превращал оборот конфет во что-то подпольное, криминальное.

Чтобы добыть немного денег на мелкие и сладкие радости, был использован простейший прием. Марка избивали всегда небольшой группой из 3-5 человек, отнюдь не сильно, но яростно и беспощадно, если наблюдать происходящее со стороны. Обязательно все представление проходило на глазах сердобольных мамашек с колясками, а извечно брызжащий кровью нос по любому поводу, так сказать, до последней капли помогал делу. Мальчишки, видя приближение взрослых, быстро исчезали. Кроме одного. Избитый жалобно вытирал платком кровь и мямлил, что у него забрали все деньги на продукты, которые его милая мамочка просила купить. При этом как будто нечаянно называлась крупная купюра и как мелкому попадет за это. Конечно, у каждого сердце дрогнет при виде столь профессионального, я бы сказал, отточенного актерского мастерства. Из карманов обильно сыпалась мелочь, и чьи-то руки приводили одежду в порядок. Иногда даже по детской головке скользила нежная ладонь. Летом дело не шло. Коротко стриженная черепушка выдавала постояльца детского дома, но и зимние похождения резко оборвались. За дисциплиной в заведении принялись глядеть с утроенной силой, все лазейки в заборах заварили, и выйти на промысел более не представлялось возможным.

В общем, эти и прочие издевательства со стороны своих соплеменников продолжались для Марка несколько особенно долгих лет. И только дети знают, насколько вечными могут показаться годы. Только они могут прожить день так, будто мы, взрослые, весьма приличный кусок своей жизни.

***

Итак, Марк: что о нем можно сказать? Тощий, лысый, спокойный на тот период ребенок, вечно погруженный в свои фантазии, где он рисовал яркие образы своего будущего и почему-то будущего всего человечества. Логично рассуждать, что, не найдя ничего интересного среди людского племени, он обрел свой покой в параллельном, своем собственном внутреннем мире. Там он герой, борец с неравенством и блюститель порядка. Там правят справедливость, доброта и покой.

Ко всему прочему, ему снились весьма необычные сны, но откуда они такие, он и сам понять не мог. Сновидения его вовсе не являлись чем-то ранее пережитым, запечатленным прежде или обдуманым. Просто так появлялись и очаровывали своей силой, реалистичностью и гениальностью сюжета. Своя фабула в них тоже присутствовала, но оставалась до последнего неясной. Потому Марк любил то самое время, когда слабо пахнущая хлорным отбеливателем

подушка, наконец, прижималась к его щеке. Это были те самые ворота в другие миры, память о которых он крепко хранил в глубинах своего разума.

«И почему мне снятся такие странные сны? – спрашивал он себя. – И пусть они бывают такие, какими я не всегда хочу их видеть, но однозначно, они что-то навсегда оставляют в моей душе, в моем маленьком мире и никогда не уходят бесследно. Мои сны – мои самородки, самое гениальное, глубокое и мощное, что я видел в своей ограниченной жизни. Как же я мечтаю остаться в своих сновидениях, где-нибудь в бесконечно просторном мире, где по веянию мысли меняются пространства, время дня и года. Хотя зачем? Пусть лучше вообще не будет времени, а вместо него пустота и вечное спокойствие. И темнота! Вечное ничто. Ясно как день, сон – лучшее из моих приключений. Это идеальное время, когда меня настоящего нет нигде в этом мире».

Тем не менее, Марк подсознательно тянулся к людям, ему отчаянно хотелось кому-нибудь рассказать о своих сновидениях, поделиться своими трудностями. Но, увы, пока это сделать было некому.

Я бы мог и дальше описывать любопытному читателю нашего героя, но в данном месте это не имеет какого-либо смысла. В общем, обычный заморыш, не высокий, не низкий, совершенно ничем не примечательный и не запоминающийся. Скорее русые волосы, постоянно опущенный вниз взгляд, и глухая тишина вечно исходила от него. С такими рядом учишься, работаешь и быстро забываешь об их существовании, стоит лишь на время потерять с ним добрососедскую связь. Да и кому вообще интересны эти ботаники с богатым внутренним миром? Но в последующем я обещаю представить более подробное описание данной персоны.

***

Марк не помнил в точности, как попал в детский доме. Вернее сказать, не знал, почему он здесь. Какие-то клочки событий, разбросанных в памяти, ни коим образом не объясняли, кто он, кто его родители, а главное – появятся ли они и заберут ли его когда-нибудь отсюда. К воспитателям было бесполезно обращаться. Для них он всего лишь очередной маленький бедолага, которому не повезло с семьей. Но кое-чем он все-таки поделиться.

До какого-то отсчетной точки времени в его воспоминаниях все, что он помнил, – это то, как было приятно и тепло. Будто он плыл по мягкому течению пуховой реки времени, и больше ничего. Затем произошло какое-то странное событие. Он почувствовал, что его держат на руках не так бережно, как обычно в таких случаях, а грубо, очень грубо. Хотя он уже достаточно подрос и даже мог ходить сам, но его крепко сжимают в объятьях и трясут. Для себя Марк заключил, что это была его мать. Лицо, боже мой, какое у нее лицо, почему я не помню его? Я многое готов отдать, лишь бы вспомнить ее черты. Она что-то отчаянно пыталась говорить, успокоить, заставить замолчать его, разрыдавшегося ребенка. При этом она хватала ртом воздух, задыхаясь от... от бешеного бега!

В то же самое время за спиной ругались мужчины, почему-то громко и дерзко. Затем прогремели оглушительные хлопки, один, второй, третий, и мать еще крепче сжала его и еще сильнее принялась трясти. Что было с ее голосом? Раньше она так странно не говорила с ним. Запомнился еще болезненный холод, хотя и бросало в пот. Одеяло, проклятое одеяло! Оно постоянно закрывало ему лицо своим углом. Если бы не это одеяло, я навсегда запомнил бы ее и потом обязательно нашел.

И снова пропасть во времени и темнота. Всплыли в памяти какие-то омерзительные крашенные стены, до половины своей высоты. Незнакомые люди со строгими лицами на их фоне, размытыми, но точно строгими. На них была не менее строгая форма, и они о чем-то судачили между собой, изредка поглядывали в его сторону. Затем другие лица, не такие угрюмые, но в белой одежде, никогда не сулившей чего-то хорошего. Несмотря на все попытки казаться дружелюбными, доверия они все равно не внушали. Проходит еще какое-то время, какие-то неяс-

ные события следуют одно за другим, и вот он здесь. Один среди многих, одинокий посреди оголтелой толпы побритых наголо шалопаев.

В голове вспыхивали и приятные обрывки воспоминаний о прежних временах, но из них ничего толком сложить было нельзя. Отец виделся темным деловым костюмом, высоко нависавшим над ним. Его появления рядом были исключительно редки и не всегда складные. Грубо потрепав нежные волосики на голове Марка, он что-то говорил своим сильным басовитым голосом. Мать же была чем-то живым, парящим, игривым и разговорчивым. Ее появление в поле зрения всегда вызывало теплые чувства. Но лица, какие у них были все-таки лица? Смогу ли я узнать их, когда они вернутся за мной?

***

– Значит, тебя зовут Марк, – не выражая и доли интереса, обратился Курт к Марку ровно через два дня после ночных событий со спичками.

Он появился в дверях класса во время перемены и уставился на него, держа руки в карманах, когда сам Марк сидел за школьной партой.

– Да-да, я Марк, – хлопотливо ответил тот, не смея заглянуть в лицо собеседнику.

– Хм,.. покровитель людей и стад, – задумчиво произнес сам себе под нос Курт, но в конце его губы искривились в неприятной усмешке.

– Что? – не расслышав его, спросил Марк.

– Учись-ка ты как следует, вот что!

Глава 5

С тех пор Марка почти всегда обходили стороной. Первое время со всех углов слышался нескончаемый шепот, растревоженный противоречивым поступком Курта, казавшимся невероятным по своему благородству, если вспомнить, от кого он исходил. Он сильный, значит, должен бить слабых. Почему он защищает его, отчего он выбрал именно самого дохлого, ничемного слезника? Что он будет с ним делать? И эти вопросы загоняли в тупик детские голодные умы, а выходы из него создавали самые умопомрачительные догадки.

Стало ли теперь легче Марку? Ответ – нет! Категорически нет! Теперь у него появились заботы другого уровня, гораздо выше прежнего эмоционального барьера. Если раньше ему не приходилось много рассуждать: бьют – пускай бьют, надоест и отвалит. Теперь же Курт принуждал его совершать такие поступки, какие Марку прежде казались просто невыносимыми.

Началось все на третий день с того события, как Курт взял Марка под свое крыло. Вернее, начал эту чехарду событий на голову Марка один лихой смельчак, то ли обиженный жизнью, то ли по привычке, что хуже неволи. Он твердо решил докопаться до нашего героя, когда тот оказался в поле его зрения. Прозвище смельчака было Топор. И не потому, что вокруг него витал ореол кровопролитных историй, а скорее так склонялась его настоящая фамилия. Будучи почти на две головы выше Марка и в той же пропорции тяжелее, он нисколько не сомневался в себе и своей безнаказанности.

Заметив, как Марк одиноко стирает свою одежонку в раковине общего умывальника, он подошел к нему сбоку и стал давить его взглядом. Марк, разумеется, заметил его, но сделал вид, будто ничего исключительного не происходит. Тогда негодник задался поднять планку давления и резко отвесил Марку подзатыльник.

Марк не удивился, но бросил стирку и сделал полшага в сторону от источника неприятностей, так как на то время еще не умел себя защитить. Я уже рассказывал, обычно в таких ситуациях он по старой привычке терпеливо переживал все удары и тычки, которыми награждала его и так не веселая жизнь.

Но одним подзатыльником дело не ограничилось. Последовал второй и через двадцать секунд, под давящий взгляд, третий. Очевидно, негодяй чего-то ожидал от своих действий. Скорее всего он, как часто бывает у детей, хотел увидеть, как потекут слезы, пусть не боли, но обиды. И зачем ему чужие слезы? Может быть, потому, что одному достанется унижение, а второму умиление от наблюдения чего-то искреннего, чистого, к чему тянулась душа, но сам проказник того не осознавал.

Дверь в умывальник распахнулась самым наглым образом, а именно пинком, и тут же ввалилось не менее наглое тело Курта. Не обращая внимания ни на ссутуленного Марка над раковиной, ни на странное положение его собеседника с прыгающим от испуга взглядом, он прошел мимо и завернул в уборную. Там он заперся в кабинке, после чего послышалось щелканье и чирканье зажигалки. Он снова курил, хотя это было настрого запрещено.

Обидчик, почуввав, что сейчас настало то самое время, когда еще можно слинять подобру-поздорову, поспешил к выходу и даже сделал несколько шагов, но, увы, было уже поздно.

– Топор! Постой-ка на месте, я хотел с тобой поговорить, – послышался спокойный, но громкий голос Курта.

Выйдя из туалетной комнаты с сигаретой в зубах, он подошел к Топору и толкнул его так, что тот оказался прямо напротив Марка. Затем Курт приблизился к Марку и прямо в его ухо приказал:

– Ударь его так, чтобы он здесь же издох.

– Он мне ничего такого не сделал,.. – залепетал Марк, сам того не замечая, как пылало красным его ухо.

Курт не стал слушать оправдания до конца и хлестким ударом ладони по губам Марка прервал их, неожиданно и ослепительно болезненно.

– Еще раз меня обманешь, я сигарету потушу о твой глаз, – зарычал он изнутри. – Бей его!

Спустя пару секунд Марка обжег еще один хлесткий удар, но уже более твердой ладонью по лбу.

– Я долго тебя буду ждать? – спросил Курт еще более низким, но достаточно спокойным голосом. – Три раза я не прошу!

Скрюченный кулачок Марка медленно потянулся к груди Топора, едва ли не затерявшись на незамысловатом пути.

Жесткий и твердый удар, словно это было столкновение с поездом, пришелся сначала по голове Топора, а затем Марка, отчего те попадали по сторонам.

– Так надо бить, – воодушевленно провозгласил Курт. – Словно уничтожаешь своего самого злостного врага вместе со всей его планетой. А ну встали оба, быстро!

Те кое-как поднялись на ноги, также напротив друг друга, но уже поодаль.

– Ближе подошли! – скомандовал Курт.

Оба нерешительно, но подчинились команде.

– Смотри, смотри в его лицо, смотри точно в его глаза, будто хочешь забрать их и сожрать. И не смей опускать взгляд. А теперь бей его, – приказал Курт, при этом его кулак резко задержался перед носом Марка, а глаза загорелись в ожидании запечатлеть потоки бешеной ярости, сметающей все на своем пути. И пока он их не получит, не успокоится.

Сжатая в кулак ладонь Марка наконец направилась в лицо, но почему-то передумав либо посчитав, что не дотянется, приземлилась на груди противника, по-детски смешно и не вызвав какого-либо серьезного воздействия.

– Я сказал, подними глаза и бей еще!

Последовал еще удар, уже более смелый.

– Еще, бей что есть мочи, – прозвучала команда, усиленная подзатыльником.

Удар, и уже, как выразило лицо Топора, довольно болезненный.

– Три удара подряд!

Последовали три редких удара в грудь и живот.

– Ты его в рожу, скотина, ударишь или нет?! – выпалил Курт.

Наконец кулак Марка, уже не сдерживая себя, приземлился прямо на нижней челюсти Топора, отчего тот хорошенько качнулся в сторону.

– Прочувствуй и это, – сказал Курт, и в грудную клетку Топора врезался кулак Курта, от чего последний грохнулся на кафельный пол, будто мешок с картофелем, сброшенный с плеча. Ориентацию в пространстве он потерял полностью.

– Вали отсюда до следующего раза! – скомандовал Курт, после чего Топор, еще толком не придя в себя и не в силах разогнуться, исчез, сжигая подошвы.

– Хреново! – заключил Курт, швырнув окурок в раковину. – Будем с тобой каждый вечер теперь заниматься. Я уж точно вложу все силы, чтобы из тебя, тошнотика, сделать человека.

Затем он развернулся и ушел по своим делам.

***

Лежа в кровати, до которой он уже и не надеялся добраться, Марк, наконец, остался наедине со своими размышлениями. Господи, я ударил человека – с ужасом вспоминал он. И эта мысль раз за разом крутилась в голове, не давая покоя. Для него сегодняшние неприятности в умывальнике не были символом какой-то неожиданной, пусть и редкой справедливости или пресловутой победы добра над злом. На сей раз это выглядело совсем другим знаменем, больше сходящим за могильную плиту, нагло и твердо возвышавшуюся на рукотворном холме в грозовую ночь. Смерть старой жизни и снисхождение в ад на адские муки – вот чем предвкусилось будущее. В голове крутились вопросы, ненужные вопросы, ведь они ничего не решали.

Что его ждало дальше? Что вообще имел в виду Курт? Какие подлости и преступления он еще совершит по его указке? Какие муки совести и душевную тиранию ему предстоит пережить? И он ни разу не ошибся в своих предположениях.

На следующий день как будто ничего не изменилось, кроме того что Марку пришлось переехать со своей кушетки на второй ярус ровно над кроватью Курта. По его, разумеется, настоянию.

Весь оставшийся день прошел в том же порядке, что любой другой. Завтрак, обед, ужин, между ними уроки, уборка и прочие обязанности. Затем наступила очередь отбоя. Все заняли свои кровати, и выключился свет, ничего сегодня не предвещало исключительного в жизни маленького общества.

Наконец, настало мое любимое время, думал Марк, как и обычно перед сном. Теперь можно спокойно прокрутить минувший день, помечтать и провалиться в спасительный сон. И вот уже теряя связь с окружающим миром и власть над разумом, он неожиданно почувствовал, как некая сила подбросила его вверх. Пробудившись от дремы, он огляделся, и даже подумал, что это ему почудилось, но затем последовал второй толчок под зад, резкий и властный.

– А ну встал с постели, салага, что спать полюбил! – услышал он голос Курта. – Быстрее, припадочный, – добавил он, еще раз хорошенько пнув дно верхней кушетки.

Марк свалился на пол как птенец, выпавший из гнезда, готовый на все, но не приспособленный ни к чему.

– Упор лежа принял и начал отжиматься! – последовала команда.

– Что? – вытаращился Марк, не вполне понимая, что от него требуется.

– Ты, тошнотик, решил меня совсем вывести из себя! – рыкнул Курт. – Запомни правило простое: три раза я не повторяю. Но тем, кто не в курсе, на первый раз прощаю! Так что давай-ка быстренько, упор лежа принял и начал отжиматься.

– Но... – было начал Марк, но, не успев договорить, получил сильный удар пяткой в грудь.

Боль была страшная. Казалось, все тело ударило в ту секунду током, а легкие словно забыли, что они должны двигаться, работать на благо продолжения жизни. Вслед за тем пришли муки удушья. Марк свалился на четвереньки, но принять положение для отжимания ему сразу не удалось. Тело еще долго не подчинялось воле разума после такого удара.

– С этого дня у тебя будет все по-другому, – продолжил Курт. – Мне надоело смотреть на тебя, как ты позволяешь над собой издеваться, и по своей душевной доброте я решил из тебя сделать человека. Процесс этот долгий и мучительный, но зато он откликнется сторицей. С этого дня ты каждый день по два, а через пару недель и три часа будешь тренироваться. Поверь мне, тренировки будут жесткие! Кроме того, станешь выполнять и другие мои поручения, что я тебе скажу.

Отказа я не приму и вообще не хочу слышать, как ты разеваешь свой поганый рот и пытаешься мне что-то доказать своим жалким писком. Я сказал – ты сделал, хочешь ты того или нет. Никто тебе здесь не поможет, поверь мне, а вздумаешь пожаловаться кому-нибудь из надзирателей, я просто засуну тебя головой в самый грязный унитаз и смою к чертовой матери. После этого тебя будет дубасить даже последняя муха, случайно залетевшая в окно. Что же, теперь поехали... ра-а-азз, два-а-а... В следующий раз на кулаках отжимаешься, и не вздумай забыть об этом.

Курт не обманул, ни тогда, ни в последующие дни, месяцы и годы. Ровно два часа Марк, к великому своему неудовольствию, отжимался, приседал, стоял на планке и боксировал в пустоту. Делалось все поочередно, и если что, поправлялось командами и щедро сыпавшими оплеухами.

Сегодня, похоже, ни один глаз в расположении не отрывался от разворачивавшихся событий. Всем было интересно, сколько он выдержит и что последует затем. Много недель спустя без тяжелых хрипов Марка уже стало непривычным отправляться в сон. Хотя он и раздвинул

сегодня границы своих возможностей далеко за горизонт, но то, как выглядел второй час его мучений, просто выбивало скупую слезу.

Курт был безжалостен. Отдыхать он иногда, конечно, позволял, но разве что сидя на импровизированном стульчике. А это едва ли было отдыхом. Под конец тренировки приходилось вслух повторять продиктованные Куртом слова: «Без железного хребта ты жалкий слизняк. Без собственного достоинства ты пустой неудачник. Бейся и добьешься своего. Настоящий мужчина стоит против всего мира, против самого господ Бога».

И так каждый вечер, словно в награду, за без того тягостные дни, начиналась тяжелая мышечная тирания, длившаяся вскоре целых три часа. До хрипоты, до потери чувств. Хуже всего было ужасающее осознание того, что этому так скоро не придет конец, это будет продолжаться день за днем, месяц за месяцем еще тройку мучительно долгих лет. Кишки сворачивались в узлы, когда Марк размышлял о такой подлой относительности времени.

– Только сойдя в ад и пройдя все его круги, ты научишься чему-нибудь, – вдалбливал Курт в голову Марка. – Только ломая мораль простых смертных, будто ледокол на всех парах, разрушая все нравственные принципы и устои, ты достигнешь всего, чего пожелаешь. Только идя против Бога, перечеркнув все его заповеди, ты возьмешь свое, ощутишь истинную силу. Ибо не нужны рамки человеку-повелителю, на голову стоящему выше других, а мудрость Бога ни для кого в этом свете не является ни ясной, ни однозначной, и потому не следует ее примерять на себе всерьез. Грызи свои учебники сколько хочешь, но помни, тебе они ничего не дадут! Все зависит только от твоих личных навыков и качеств, от того, как ты будешь биться за свое место под солнцем. Только я сделаю из тебя человека, и никто другой.

***

Одними тренировками дело не ограничилось. Вскоре Курт вынуждал Марка красть у своих товарищей по несчастью как деньги с сигаретами, так и вещицы, считавшиеся здесь ценными. Все пропадало в карманах Курта, но все же именно руки Марка приносили их. И мало-помалу это стало совершенно однозначно известно всем, даже воспитателям. Несколько раз воздух сотрясали крупные скандалы, сыпались угрозы и приказы. Марку даже казалось, что вряд ли удастся выпутаться из этого клубка бедствий, но все как-то проходило своим чередом.

Конечно же, за воровством дело только не встало. Было и избиение слабых как верный способ делать из них более сильных, если верить словам Курта. Были и нападения на сильных как возможность испытать себя и проявить хоть раз мужество. А нарушение порядка было вообще делом практически повседневным. Казалось, куда уже дальше, но, как известно, все пределы только в голове.

С каждым днем у Марка росло желание остановиться, сказать «нет» тому, к чему склонял его Курт. Воображение уже рисовало картины его непоколебимой стойкости перед ним, один на один. И все, чего он стыдился, чему противился, прекращается раз и навсегда. Он уже чувствовал, как к нему все чаще приходили приступы железной твердости, когда он до потери сознания был готов показать решимость, восстать против зла, но раз за разом эта сила куда-то не вовремя испарялась, и он откладывал свое желание на потом. Он терпел, скрипел зубами и каждый раз злился на себя, что до сих пор не смог собрать свою волю в кулак. Но однажды это все-таки произошло.

– Бей его! – последовала четкая команда.

– Нет, все, я больше не буду, – ответил Марк, словно это и не он произнес, как-то случайно, неожиданно для самого себя.

– Это мое последнее предложение! – понизил голос Курт.

– Мне все равно, что ты сделаешь мне или ему. Я больше не боюсь боли, а тем более тебя, – продолжил Марк, открыв в себе новые силы и согласившись внутри, что раз так все сложилось, следует и дальше идти по правильному пути.

– Ты думаешь, я тебя не заставлю? – спокойно продолжил Курт. – Неужели ты до сих пор не понял, что тебе легче будет, если мне не перечить?

– Мне все равно, я сам по себе, – был ответ.

– Хорошо, – сказал Курт и лениво поднялся с кровати.

Сразу же после того, как он вытянулся во весь рост, все завертелось и поплыло перед глазами Марка. Потолок, стены, опять потолок, между ними вспышки ослепительно-белого света, сходявшего в красные тона. Сознание, вне всяких сомнений, куда-то убежало большей частью, потому дальнейшие события продолжались будто в плохо объяснимом сне, словно глядишь на мир через маленькое запотевшее оконце. Пол начал движение. Невероятно, но пол и вправду стал двигаться прямо перед лицом, перед самими глазами. Он рябил крашеными половыми досками с гвоздями, а между ними щелями. Порог, затем кафель, видимо, это был умывальник, затем опять порог, железная дверь и за ней изгаженная белизна отхожего места, замершего в метре от лица.

– После того, что я сделаю дальше, твоя жизнь не будет такой, какой она была прежде, – начал свою речь Курт. – До конца твоих дней каждая девушка, отважившаяся поцеловать тебя, уловит в послевкусии то самое, что у тебя прямо перед глазами.

– Я все понял, – тяжело дыша, сдался Марк. – Я совершил ошибку.

– Запомни это раз и навсегда, третьей попытки я тебе не дам!

– Я понял, я больше не буду.

– В принципе мне все равно, подведешь ты меня или нет, но для закрепления материала сегодня ты будешь умирать всю ночь, отжимаясь, – обнадежил Курт и швырнул Марка в стену за своей спиной. – А теперь исчез!

***

День ото дня перечень упражнений дополнялся новыми элементами, а сами тренировки становились жестче, злее и резче. Пот ручьем лился с тела, а вместо дыхания слышались звуки удушья. Серьезно обогащались и приемы боксирования. И вправду, отец Курта немало сил и времени положил на воспитание сына. Часто Курт поднимался со своей кровати и, показывая, как нужно ударять, делал это жестко, но всегда доходило с первой попытки. Иногда просто осыпал Марка тяжелыми ударами, отрабатывая его блоки. Но это были лишь отдававшие болью в мышцах упражнения и побои, а к трудностям такого рода еще можно привыкнуть. Настоящая боль всегда в голове – когда делаешь то, что заставляет переступить через свой нравственный барьер, то, что заставляет тебя встать против всех, представляет в глазах остальных настоящим отщепенцем и подонком. И Курт неуклонно настаивал поступать так.

– Не для того человек создан, чтобы быть добряком, – говорил Курт. Тысячи лет живут люди, но доброта так и не стала основным их достоинством. Эволюция идет непрерывно, каждую секунду твоей жизни, но уж точно не в этом направлении. Быть слабым опасно для жизни, и даже не потому, что это ведет к гибели, но останавливает тебя в твоём развитии, в достижении твоих амбиций, споткнувшись на первом же моральном принципе.

Даже богу не нужны бесхребетные добряки, и это не мои слова. Богу нужны пот, кровь и твоя израненная душонка в ежедневных схватках со злом. Считай смерть отпуском, а рай – госпиталем, где дадут зализать свои раны. Без ран ты там не нужен. И пусть тебе придется совершать плохие поступки, но ты должен компенсировать их еще большей победой над злом. Именно это ты должен помнить и повторять себе в кровь разбитыми губами.

Взгляни на меня по-настоящему. С полной уверенностью могу утверждать, что каждая здешняя козьявка ненавидит и презирает меня. Но согласись и со мной: местный порядок все-таки соблюдается, а бесы, живущие в нас, храбро поприжали свои хвосты. Потому я уверен: в будущем многие поймут меня и будут вспоминать обо мне с благодарностью. Как человек воли я выбираю быть примером, опорой и защитой тех, кто меня окружает. Пусть мои манеры далеки от совершенства, пусть я успел на своем жизненном пути подцепить дурные привычки

и наклонности. И да, признаюсь, я отнюдь не сахар, я был вынужден стать таким. Но то, что я делаю с тобой, это мой личный подарок, и ты в этом скоро убедишься.

Глава 6

Школа стала для Марка еще большим спасением от бед, чем была прежде. Этаким островок, где можно перевести дыхание, без страха перед новыми неприятностями. Вместе с тем, у него выросло стремление учиться. Только на уроках Курт не трогал его, только там никто не судачил за его спиной, не презирал за воровство. Напротив, многие даже завидовали его учебным успехам.

Мало того, Марк с неподдельным изумлением открыл, как скоротечны, оказывается, бывают школьные уроки. Не успеешь и глазом моргнуть, как звенит неумолимый звонок. Эта находка и вправду была неожиданной. И не менее ошеломительным было признать, как же ненавистны ему стали квартальные каникулы. Теперь они представлялись чем-то ужасающим, когда в измученную долгим отдыхом голову Курта могли прийти самые невероятные идеи. Величайшим везением было то, что Курт учился в старшем классе, на один год, и потому Марку не приходилось с ним пересекаться днем.

Сама же школа, как я уже упоминал, не славилась своей популярностью. Ее не любили и обходили идею отправить туда своих чад родители, жившие поблизости, как раз за тот самый контингент. Мало того, ее избегали более-менее приличные преподаватели. Даже те, что были сравнительно молоды и недостаточно опытны. Попадали туда как правило женщины, нередко практикантки, еще не успевшие получить свой заветный диплом. То ли в наказание, то ли с целью окунуться с головой, так сказать, в жизнь они оказывались в подобных местах и делали свои первые шаги в профессии.

Ну что же, раз есть проблема, то, конечно, рождается решение. Некоторые из молодых учителей пытались до последнего казаться строгими, даже железными, но все их попытки, разумеется, кончались фалом под шум оголтелой толпы. Трудно было вообразить их разочарование, когда внутреннее воодушевление трудами древних философов, вместе с искренним желанием принести свет в темные углы сменялось образами сожжения на костре, под смешки и оскорбления со стороны своего же разума. После такого, разумеется, накрепко оскотиниваясь и начинаешь по-новому смотреть на жизнь. По крайней мере, настороженной к пламенным стремлениям и ко всем тем, кто к ним призывает.

Но встречались и крайне одаренные среди них. Одной из самых примечательных преподавателей того времечка оказалась по виду маленькая и тоненькая девчушка. Ей быстро удалось найти подход и вернуть себе власть, когда мальчишки напрочь отказывались быть тише воды, ниже травы. На пике своего отчаяния она издавала такой истошный плач, что по каждому ученику пробежали крупные мурашки, будто они убили ее, искалечили или склонили к самоубийству. Уже не казался столь невероятным сценарий, когда она просто пойдет и бросится с крыши ратуши.

Были и преподавательницы повеселей. К примеру «Физичка» успешно пользовалась своей красотой и сексуальностью, чтобы повысить интерес, к предмету, разумеется. Умеючи поддерживая форму своей юбки и положение ног, она сосредотачивала мальчишеский внимание, пусть не на самом предмете обучения, но зато его полностью лишался сосед по парте. Таких любили, таких рисовали в конце тетрадок, пусть и без одежды.

Словно бухенвальдская ведьма, она, бывало, прохаживалась между рядами школьного класса и самым шумным прикладывала длинной деревянной линейкой по щеке. Чуть позже, когда ученики привыкли к ее выходкам, линейка шлепала жестче, болезненней и даже иногда разукрашивала юношеские щеки после звонкого удара. Всех в классе это забавляло, ее это также веселило, и довольная ухмылка не сползала с ее лица. Зачем скрывать, все хотят иметь немножко власти. Каждая козявка в этом мире жаждет в том или ином смысле признания.

Но больше всего дети ценили, конечно, тех преподавателей, с кем не приходилось притворяться и искать личную выгоду, кроме любви. Как и в любой другой профессии, находятся люди, шагающие в жизнь по своему призванию, и здесь нашелся такой человек, навыки и привычки которого будто срослись с истинным предназначением хорошего учителя. Маленькая невзрачная старушка с некрасивыми руками, поскольку ее пальцы были увенчаны грибковыми ногтями, всегда в одной и той же простецкой и давно вышедшей из моды одежде. Всегда добрая и спокойная. Преподавала она уроки математики и алгебры.

Наблюдая за ее работой, дети про себя отмечали, что все в ее жизни плывет на волнах спокойствия, ничто не доставляет ей особого труда и негативных волнений. Будь это трудные или агрессивно настроенные ученики или даже комок ядовитых змей ее коллег-преподавателей. Жила она одиноко в маленькой квартирке двухэтажного довоенного дома, помнится, со своим пушистым персидским котом по кличке Мякиш, а собственных детей почему-то не имела.

Большую часть времени она проводила со своими учениками и нередко за границей детского дома, кроме уроков, разумеется. В остальное время занималась уходом за растениями. Особенно ей нравились красные розы. В общем, было не все так плохо в школе, и чахнувший от недостатка эмоциональных чувств детский разум получал подпитку от всех таких событий и людей, усиливая их утроенным любопытством.

***

На переменах Марк старался побыть в одиночестве и присмотрел себе местечко в школе, где в основном обучались ученики младших классов, и можно спокойно стоять смотреть в окно. Но попавшись пару раз на глаза своему новому «другу», открыл для себя мир читального зала, почему-то подзабытый всей школой.

В просторной комнате, где всегда царила тишина, по правилам и без, прямо на партах лежали объемистые пачки глянцевого журналов научно-популярного толка, готовые окунуть любопытствующего в волшебный мир будущего. Много цветов по стенам и запах, вечный запах книг, что не выкинуть из памяти. Хозяйка зала оказалась на редкость читающей женщиной и выставляла полюбившиеся ей тома на самое видное место. Любую бери и с головой окунайся в самое будоражащее душу и разум путешествие. Храмом спокойствия назвал про себя Марк свое самое теплое место на земле.

Глава 7

Он встретил ее в читальном зале, а вернее, это бабушка надвое сказала, что именно он ее встретил. Марк часто наблюдал ее там, на заднем ряду либо на окне лестничного пролета школы и всегда в одном и том же положении – с величайшей сосредоточенностью нависшей над книгой. Подойти и заговорить с ней, Марк никак не отваживался, хотя и нуждался в друзьях, чтобы быть как все. Ведь у каждого, черт возьми, есть друзья. Но с девчонкой, ну уж нет. На худой конец и она сойдет, согласился Марк сам с собой, но в глубине души решил, что пальцем о палец не ударит, чтобы сделать первый шаг. Конечно же, вскоре это и произошло.

Однажды в очередной перерыв Марк глубоко погрузился в любопытную книжицу. Она оказалась настолько увлекательной, что он решил не прерываться на выяснение, чья это тень долю секунды назад пробежала по нему. Но тень вернулась снова.

– Что ты читаешь? – спросил юный девичий голос, похожий на колокольчик. Потянулись руки и бесцеремонно приподняли книжку от парты, чтобы взглянуть на обложку. – Извини меня за любопытство, когда вижу, что кто-то увлеченно читает, ничего не могу с собой поделать. Руки чешутся узнать, что это может быть. О, Коэльо, «Воин света», – улыбнулась она. – Неплохой романчик! Сам ее выбрал или она тебя?

– Я взял ее на стенде, мне просто название понравилось, – разъяснил смущенный Марк.

Эту книгу он запомнит на всю свою жизнь и особенно твердость ее мягкой обложки. Пару дней спустя она оказалась в руках Курта, после чего тот с размаху ударил ею Марку в лицо, плотно свернутой в рулон. Молниеносно хлынула кровь из многострадального носа.

– Ну а сама книжка? – спросила она и села на краешек стула передней парты.

– Книга и правда неплоха, но пока нет никакой истории, – пробормотал под нос Марк.

– Какова будет история, зависит только от героя, – задумчиво произнесла она вслух. – Признаюсь, я прочла ее прежде, но больше всего из творчества этого писателя мне понравился «Алхимик». Пожалуй, нужно перечитать ее еще разок, и тебе тоже рекомендую.

– Ладно, – ответил Марк. – Надеюсь, она есть в библиотеке.

– А хочешь, я посоветую еще что-нибудь? – не отставала она. – Я знаю очень много хороших книг. Моя бабушка работала в библиотеке, и, вернувшись со школы, я все время была с ней рядом. Никогда не забуду огромные часы с маятником, эхом отдающимся тиканьем, и свою бабушку, читавшую мне в огромном пустом зале. Я путешествовала по другим городам, странам, планетам, созвездиям. В считанные секунды я могла перенестись на пиратский корабль или в далекое прошлое. Наизусть могу рассказать все до одной прочитанной истории.

– Здорово... – ответил Марк без энтузиазма, всерьез подумывая, как отделаться от нее. Перемена уже подходила к концу, и, видимо, все попытки прочесть еще пару абзацев были тщетны. Он поднял глаза чуть выше книги.

– Тебя Марком зовут?

– Да, я Марк, – ответил он и наконец поднял глаза прямо на нее, чтобы хмурым взглядом выразить крайнее неудовольствие от общения.

– А меня Ангела зовут, – продолжила непринужденный разговор Ангела. – Вообще меня Анджелой называли, но все здесь напрочь отказываются произносить мое имя правильно.

– Ты русская?

– Да, родилась в России, но несколько лет прожила здесь со своей бабушкой.

– Значит, твоя бабушка умерла?

– Да, к великому сожалению, – ответила она, придвинувшись ближе к Марку и сложив руки на его парте.

– А другие твои родственники?

– Давай не будем говорить о них сейчас, но я с удовольствием поделюсь об этом позже. Кстати, я видела тебя с Куртом, он твой друг? Он весьма странный человек и совершенно не похож на тебя. С такими лучше держать ухо востро, – сказала она и нахмурила лицо.

– Он мне не друг, – буркнул Марк.

– Но ты с ним общаешься, – то ли сказала, то ли спросила она и, подперев обеими руками голову, с любопытством уставилась на него своими невероятными глазами.

Марка удивило и даже возмутило ее поведение. Она же аутсайдер, маленькая серая мышка, и так уверенно ведет себя. Смотрит и даже не отведет своего взгляда. Просто появилась ниоткуда и ворвалась в его личное пространство, хозяйничает в нем и задает болезненные вопросы. Пришлось уже самому пятиться взглядом.

– Нет, я с ним не очень общаюсь, – начал сбивчиво оправдываться Марк. Одновременно спокойно разговаривать с ней, думать и испытывать на себе ее атакующий взгляд было невероятно сложно.

– Да и вправду, сразу никогда не поймешь, кто твой друг, а кто твой недруг и до какой степени он таковым является, – многозначительно произнесла она. Ее работа ума вмиг выразилась сузившимся разрезом глаз и рисунком из морщинок над переносицей. – А знаешь что, давай-ка мы с тобой будем добрыми друзьями! Уверена, мы найдем в этом много положительных сторон. А если хочешь, то тайком. Разве это не миленько?

– Спасибо, конечно, но нет, – ответил ей Марк, подменив испуг на раздражение.

Секундой позже протяжно зазвенел звонок, многократно усилив сделанный отказ и, наконец, можно бежать на урок. Как кстати, подумал он. И болтает она чересчур много. Хотя такого взгляда я в своей жизни еще не встречал.

***

Итак, Ангела: давайте взглянем на нее. Она была невысокого для своих лет роста, худощавая как скелет, с казавшимся простым поначалу лицом, не выражавшим ни дара ума, ни изюминки. Тонкие губы на маленьком разрезе рта, мягко выраженные скулы и остренький носик. Огромные глаза постоянно к слушателю шурились, словно она была подслеповатая. И эта вечная сутулость забитой жизнью отщепенки была всегда на ее плечах.

Резко отличали ее от всех прочих девчонок невероятно светлые, практически белые волосы. Прямые и мягкие, они как водопад падали на плечи и лежали ровненько, не требуя ухода. Огорчало то, что женскую половину детского дома стригли до плеч, таковы правила. Брови и ресницы у нее были такими же нежно-белыми и забавно изогнутые. Летом, когда ее кожа немного успевала покраснеть от солнца, цвет волос на фоне кожи становился выразительно контрастным. Прямо как молоко с клубникой, и такое изменение редко кто не отмечал про себя. Она была настоящим альбиносом, но Марк не знал в свои юные годы ничего об этом странном явлении природы.

Была ли она красивой? И да, и нет. На первый взгляд непонятной – вот что сразу приходит на ум. Молодым и глупым не ясна такая красота. Да и она не особо стремилась раскрыть свою душу и свой эмоциональный мир, постоянно уткнувшись носом в очередную книгу. Игнорировала она всех и вся, в том числе своих одноклассников и кандидаток в подружки. Мало того, поступала так, не скрывая своих намерений.

Однажды какой-то мальчишка за соседней партой решил проявить к ней любопытство и лучшей идеи для этого не нашел, как дергать у нее волосы по одному. Реакция пришла незамедлительно и положила всякий сторонний интерес на лопатки. Прямо на уроке она засунула указательный палец в нос и принялась с невероятным трудолюбием проводить внутричерепные изыскания. В конце концов, на нее просто повесили негласный ярлык чудачки и быстро потеряли всякое любопытство.

И Марк знал все то же самое, что знал любой другой здесь. Потому заранее был весьма невысокого мнения о ней. Чего ей взбрестило подойти к нему, когда и без нее все шло не

очень гладко? Лишь несколько позже, когда Марк стал чаще общаться с ней, его мнение круто поменялось.

Ее лицо оказалось наполнено живой мимикой, забавной, когда было смешно, и выразительно сочувственной, на темах серьезных и грустных. Над переносицей собирались удивительные складки самых разнообразных сложных рисунков, следуя внутренней оценке или мнению. Так было здорово наблюдать, как меняется ее лицо. И даже слова были лишними, чтобы понять ее ответы.

Но глаза, их цвет и выразительность стоит отметить отдельно. Когда она впервые взглянула на Марка в полную силу, только тогда он увидел их удивительный васильковый цвет, в котором утопал невероятный по своей красоте рисунок. Словно глядишь в иллюминатор на живую, ранее невиданную планету. Сквозь ее фиолетовую атмосферу просматривались безлюдные континенты, горы, облака и между ними широкие просторы синего моря. Именно так описал Марк свое наблюдение.

***

Потенциал, заложенный в Ангелу родителями, был весьма велик. Хотя ее семья была и вправду складная, но к прочей радости, ее пытались научить всему и сразу. В три года она начала обучаться игре на фортепиано, под руководством своей матери. В шесть уже обладала бесчисленным количеством наград за свои навыки. Что-то даже простенькое написала сама. Неплохо знала два иностранных языка и владела энциклопедическими знаниями о птицах. Как личность она казалась много взрослее своих сверстниц, а ее приоритеты вообще заходили далеко за детские рамки. Причиной тому послужило постоянное окружение умудренными жизнью людьми и в меньшей степени своими одноклассниками.

Ее внутренний мир тоже впечатлял своим размахом, пусть и открывался далеко не всем и никогда сразу, а был гораздо шире пределов нашей родной планеты. Она могла часами рассказывать о чем-то, что прочитала, что придумала, что ощутила, притом незаметно пришивала какую-нибудь поучительную историю либо озвучивала странные для ее возраста вопросы, над которыми почему-то приходилось как следует поломать голову. Вслед за ее фантазийным миром вскрывались и безграничные арсеналы всяких разных штук, умело используемых ею, чтобы приближать или отталкивать людей и их интересы.

Ее родителями оказались молодые и амбициозные ученые-биологи эпохи заката Страны Советов. Каждую неделю они собирали большую компанию таких же молодых коллег у себя на квартире, обязательно вместе с детьми, чтобы они с младых ногтей вливались в светскую жизнь. А летом отправлялись на природу, где жарили мясо, пели, танцевали, спорили, много спорили, особенно о работе и политике. Палатки, гитары, волейбол, бадминтон, юмор и смех. Кое-кто из их компании обязательно читал свои новые стихи. Возмутительно-политические пользовались особым спросом.

Но главное – ее мать и отец очень любили друг друга. Отец, как она помнит, был криворукий и не мог толком гвоздь забить в стену, без того чтобы не испортить саму стену и не поотбивать пальцы. Хотя искусные руки ценились в те времена и в том месте, но этот недостаток он компенсировал какой-то благородной обходительностью и великолепными манерами. Свежие цветы и красивые поступки были частым гостем их жилища. А ритуал «папа пришел с работы» был самой радостной частью дня. Но как Ангела оказалась здесь, спросите вы?

Однажды в научно-исследовательском институте, где и работали ее родители по самым разным направлениям, в том числе и военным, повсюду загорелись красные лампы и оглушительно завывали сирены. Наверно, опять учения, подумали все и, как обычно принято в таких ситуациях, покинули помещения постоянного пребывания. А далее, через длинные вереницы темных коридоров собрались в кабинетах с комплексами по обеззараживанию и дезинфекции.

Как оказалось, сработал датчик, сигнализирующий о падении давления воздуха в испытательной камере. Следовательно, что-то попало из камеры в помещение с людьми как раз в ту самую минуту, когда там проводились опыты.

Отец погибает, по крайней мере, о его смерти сообщили жене через неделю после инцидента. Негласной причиной стал какой-то военный вирус или что-то подобное. Вопросы так и остались без ответов спустя многие годы. Тело же не отдали, а увезли и сожгли по протоколу. Пришлось долго лепить отговорки, зачем родственникам хоронить пустой гроб.

Мать, обезумев от горя, растрепанная, грязная, с оплывшим лицом первым делом бросается на ворота научно-исследовательского института. Сквозь слезы и крики отчаяния она требует отдать ей мужа, позволить хоть последний раз взглянуть на него. В ход затем шли угрозы, оскорбления, плевки, за что ее пытаются успокоить сначала невольные свидетели, затем милиция и скорая помощь.

После очередной серии нападений, в этот раз на машину директора предприятия и проходную местного чиновничьего административного здания, она исчезла. Как выяснилось впоследствии, ее поместили в психиатрическую клинику принудительного лечения, именно в ту, про которую если и заходила речь в разговоре, то знающий человек многозначительно кивал головой и делал про себя нерадостные выводы о серьезности положения обсуждаемого человека.

Вот тогда-то Ангелу, непрерывно рыдающую девчущку, забрала бабушка из Восточной Германии, а после ее смерти она оказалась в детском доме.

***

Следующий день для Марка начался шиворот-навыворот. Войдя в класс, он с самого порога обнаружил, что за его партой, на вечно пустующем месте, сидела та же самая белесая девица. Ее учебник, тетради и ручки были сложены на доске в идеальном геометрическом порядке, готовые к уроку. Сама же она еле заметно улыбалась, но будто не заметила появление Марка в дверях. Значит, вот в какие игры ты играешь, подумал Марк и сел на другую пустующую парту в соседнем ряду.

Начался урок. Учительница затеяла переключку и, когда остановилась на фамилии Марка, то оторвалась от журнала и переместила внимание на него.

– Марк, а почему ты не на своем месте? А ну марш на место! – приказала она.

– Но... я...

– Ты что, боишься Ангелу? – продолжала она под сдавленные смешки остальных учеников. – Мне надоело смотреть на вас двоих психов-одиночек, потому и перевела ее сюда из другого класса. Теперь всегда будете сидеть вместе. А ну быстро сел, где сидел, и не задерживай, пожалуйста, урок!

Пришлось подчиниться, но всю трагедию вынужденного переезда обратно Марк выразил плохой актерской игрой. Прижав, наконец, свой зад на старом месте, он тут же получил от своей новой соседки маленькую записку. «Не обижайся, дружок, это не я так захотела, я клянусь!»

Марк кивнул и спрятал записку. В принципе, падать и без того было ниже некуда. Посмотрим, что дальше будет, решил он.

Но дальше все шло просто прекрасно, настолько прекрасно, что вечерние отжимания под пинки Курта стали не самой занимательной частью дня в детском доме. Мало того, менее болезненной частью. Марк и Ангела целыми днями в школе болтали, даже на уроках, и им всегда было чем поделиться друг с другом. Многие преподаватели очень раздражались, взирая на такое безобразие, но вскоре потеряли всякую надежду разорвать этих двух неразлучников. Какой вообще смысл ругать детей, лишенных всего. Но для них самих жизнь вновь заимела свои радости, и самое главное, что понял Марк, а вернее, его надоумил новый друг, это то, что жить можно и гораздо счастливее других, более удачливых в своей судьбе людей. Многократно

счастливее! Ее дружба стала для Марка достойным поощрением за все пережитое в прошлом и настоящем, благодарным вознаграждением с самих небес.

Марк часто задумывался позднее и о том, что в конце концов его привлекало в ней. Красота, ум, обаяние или все вместе? А может, он просто жаждал быть признателен ей за то, что она единственная, кто обратил на него внимание? Так ему узнать это и не удалось, несмотря на все его попытки размыслить эту загадку. Наверно, чем дольше подобные мысли остаются в голове неразгаданными, тем более сильным магнитом для нашей души и является связанный с ними человек.

Но было еще кое-что, омрачавшее тот приятный период жизни Марка. С нарастающим страхом он переживал, как эту новую дружбу воспримет Курт. И чем дольше шло время без однозначных событий, тем больший ужас он испытывал. С Ангелой он не говорил об этом, и зачем – ведь это его личная забота. Но она постоянно повторяла ему как-то многозначительно, словно между прочим, что, как бы то ни было, все будет хорошо. Да и вообще, о чем тут думать! Конечно же, Курт будет категорически против общения с ней. А узнав, еще и навешает как следует сверху, думал он про себя. Но здесь я точно останусь непреклонен. Чтобы ни случилось, я не откажусь от нее!

И спустя месяц после начала его новой дружбы это, конечно же, произошло. Марк сидел за обеденным столом и в одиночестве доедал свою булочку с чаем. В соответствии с ранними уговорами, он не встречался с Ангелой в столовой и на улице. Зачем было лишний раз тянуть быка за хвост. Откуда ни возьмись притащился Курт, сел на соседнюю лавку так, что она оказалась у него между ног. В пол-оборота он уставился на Марка, обдавая его своим тлетворным дыханием курильщика.

– Ну что, как дела? – спросил он и, забрав у Марка нетронутый стакан с чаем, принялся его пить.

– Нормально.

– Я сейчас в самоволку на пару часов, будь добр, присмотри за моими шмотками, – сказал Курт и бросил на стол свою сумку с учебниками.

– Я посмотрю, – ответил Марк и прибрал сумку себе.

– О, кстати, я слышал, ты тут подружку себе завел, неплохой выбор, стоит отметить, – протянул он и громко хлебнул еще один глоток горячего чая.

– Нет у меня никаких подружек, – возмутился Марк и вдруг, будто его окатили холодной водой, глубоко удивился сам себе. А кем же все-таки Ангела является для меня и не прозвучал ли ответ трусливо?

– О женщинах мы с тобой еще ни разу не говорили, но запомни мои слова раз и навсегда. Они всегда выдают себя не за тех, кем являются на самом деле. Ад есть на земле, и этот ад не изощренные пытки палача, не раскаленное докрасна железо на твоей коже, а женская изменчивость, ненасытность и легкомыслие. Запомнил?

– Да.

– Заруби себе на носу!

– Хорошо.

– Тем более это далеко не тот типаж, чтобы чему-то полезному научиться. Ловко забалтывать, играть на эмоциях, брать свое и с легкостью бросать – вот что ты должен уметь на пути совершенства. А с ней прямая дорога в стадо слизняков. И она это знает, я уверен. Не веришь мне, как я погляжу. О, кстати, – прервался он и повернулся вполоборота, – вот, похоже, и она. Стоит вспомнить, и дьявол тут как тут.

За спиной Курта прямо из входных дверей появилась Ангела. Она спокойно прошла по длинному проходу, направляясь к раздаче между рядами столов, но, с определенного расстояния заметив Марка, тут же переменяла свои прежние решения. Она направилась напрямиком

в их сторону и, к огромному удивлению своего новоиспеченного друга, уселась вплотную к нему, отчего их ноги и плечи с силой прижались друг к другу.

– Хм... – выразил свое восхищение Курт, а затем скривил губы в неприятной усмешке.

– Вы, должно быть, Курт, – утвердительно сказала Ангела и тоже состроила лицемерную улыбку.

– Рад наконец познакомиться, – ответил Курт. – Я много о вас слышал, хотя не очень-то одобряю вашу интрижку...

– Вашего одобрения я и не просила, – прервала Ангела монолог невероятно нагло для такой малышки. – Главное, следовать определенным правилам, и все будет хорошо, не так ли?

– Разумеется, милая малявочка! Друг другу мешать жить мы никак не должны, – неожиданно доброжелательно согласился Курт.

– Значит, договорились? – подытожила она разговор.

– Железно! – подтвердил он, вытянул ногу из-под стола и встал. – Еще вспомнишь мои слова, – шепнул он на ухо Марку, заодно ударив его по плечу. Далее он развернулся и свалил прочь, почему-то в приподнятом настроении.

– Я же тебе говорила, что все будет в порядке, – улыбалась Ангела, отлепившись от Марка. Сам Марк, все еще огорошенный странным поведением его хороших знакомых и не менее странным их разговором, тщетно пытался размыслить, что это, черт возьми, вообще было. – Тебе взять еще чаю? – весело спросила она таким голосом, словно бы ничего и не произошло.

– Спасибо, Энн, я уже сегодня напился, – ответил ей Марк, взглянув на нее странным взглядом.

***

По какой-то причине, но об этом случае Курт будто и забыл. Мало того, он несколько раз встречал парочку около школы и спокойно проходил мимо, подняв бровь или кивнув головой. Лишь один раз он упомянул давнишний разговор, что-то о женщинах и о той форме их благодарности, что похожа на ад. Марк ни слова не понял, о чем он, как, впрочем, он не всегда понимал его. А говорил Курт много и часто двусмысленно. И вообще, откуда ему знать о женщинах?

Еще больше осмелев, Марк стал чаще проводить время с Ангелой, и эту парочку теперь обсуждала вся школа, вместе со всем детским домом. Даже учителя поделились на два фронта. Одни пытались разъединить их, другие просили своих коллег и учеников убрать от них свои бесстыжие руки.

***

К середине весны Марк ощутил особенный прилив сил и новые, совсем необычные для него настроения души. Свежая трава была зеленее, что ли, а небо глубже и ярче, чем прежде. Как все красиво вокруг, удивлялся он. Отчего так странно радуется сердце? Только сейчас, будто заново родившись, он увидел, как цветущая пора наполняется самыми разнообразными запахами и звуками. Наливается силой и желанием наслаждаться свободой все дни напролет. Хочется благодарить каждого занудного комарика, каждую мелкую мошку, ведь они самые достоверные символы приходящего теплого лета.

К тому времени Марк открылся Ангеле настолько это было вообще возможным, когда жгло желание и ничто не останавливало говорить о чем угодно без тени стеснения. Иногда они отваживались прогулять уроки и бродили по городскому парку. Ангела покупала им двоим мороженое и, для разнообразия, кремовые вафли. Ее проводывали иногда посыльные от дальних родственников и, бывало, оставляли какую-то мелочь. Так было здорово просто сидеть на парковой лавке, впитывать ее тепло и всего окружающего мира и никуда не спешить.

Прошло целых семь месяцев с того дня, как он сдружился с Ангелой. И если бы кто-нибудь спросил, кто же она для него, он бы ни секунды не задумываясь ответил: она моя

подруга, она мой самый лучший друг. Марку стали сниться новые сны и, к его удивлению, не мрачные и пугающие, как прежде, а яркие и парящие. Он рассказывал их Ангеле, а она пыталась объяснить их. Так было забавно слушать ее расшифровки. Сама же Ангела никогда не видела сновидений и, что странно, вообще не представляла, как они приходят.

– Тогда я буду рассказывать свои, – обещал Марк, хотя и признал, что ему трудно поделиться всем увиденным, а тем более, точными соображениями на их счет.

До окончания школы оставалось целых три учебных года, а у них уже все было расписано на десятки лет вперед. О женитьбе нет, не было и речи, было как-то неловко. Но та уверенность, что до конца дней своих они будут рядом, сомнению не поддавалась. Мало того, это стремление являлось тем самым прочным камнем в фундаменте их доброй дружбы.

Но однажды Ангела завела странный разговор, совсем не о том, что хотел слышать Марк. Она довольно-таки сосредоточенно заикнулась о каких-то непредвиденных событиях в будущем, которые, в конце концов, могут разъединить их. И на все его попытки сменить напряженную тему она не отвечала взаимностью.

– Ерунда! – резко оборвал ее Марк, а затем, смягчившись, продолжил: – Все будет хорошо, Энн.

– Да, все будет хорошо. Но обещай, если что, ты найдешь меня. Найдешь, где бы я ни оказалась в будущем.

– Обещаю не потерять тебя, – был ответ.

Глава 8

– Мне сегодня приснился очень странный сон, – признался Марк Ангеле, когда они сидели на излюбленном месте в парке. Что странно, он мог рассказать о нем еще в школе, но почему-то решил отложить. – Таких я не видел вот уже несколько месяцев. Хочешь, поделюсь?

– Конечно же, Марк, я с удовольствием послушаю, – отозвалась Ангела. – Как и всегда, я рада послушать твою новую историю.

– Тогда я начинаю! Значит, приснился мне маленький опрятный домик, и вот что странно, ни моя мать, ни мой отец, ни даже я не были центром всех событий, а именно дом. Мне именно так показалось. Он был такой маленький, что если я сейчас начну рассуждать о его размерах, что редко происходит во сне, то пойму, что жить в нем оказалось бы невозможно. Удобные кресла, стол и кое-какое подобие кухонного гарнитура – вот и все, что внутри. Но где следовало спать мне и моим родителям, почему-то в голову не приходило.

Два огромных окна на противоположных сторонах освещали внутреннее пространство, а через них легко просматривалась прямая как струна линия горизонта. С торца болталась дверь без замка, кроме того, всегда открытая настежь. Все в доме казалось мне логичным и понятным, все виделось идеальным для того, чтобы жить в нем до конца своих дней, спокойно и счастливо.

А вокруг только бескрайние степи, только прямые как линейка поля. Можно забросить свой взгляд за сотни, тысячи километров вокруг себя, кричать, петь, играть на барабанах – никто тебя не услышит и не увидит. Я хорошо помню, как запечатлел все и сразу будто со стороны. Просторы степи, домик со светящимися оконцами и россыпи звезд на вечернем небосводе. Почему-то в этой картине мне все показалось знакомым, будто я видел все это прежде, но где, я ума не приложу.

К самому дому вела всего лишь одна дорога, петлявшая среди полей. Ее трудно было бы различить чужакам, и это придавало еще больше уверенности, что вокруг только те люди, которых любишь, и никто посторонний не нарушит идиллию.

Я играю с котенком, он совсем маленький, но не отстает от меня ни на шаг. Да и себя я вижу пятилетним мальчуганом, не знавшим никаких забот. Стоял солнечный день, пели полевые птицы, жужжали насекомые среди ясного неба, а в душе приятно и тепло. Отец чем-то иногда стучал за домом, мать вроде готовила ужин.

– Ну что, шалунишка, – спросил отец, потрепав меня за волосы, – проголодался?

– Нет, – отвечаю я, – быть может, наш Персик голоден?

– Этот-то, конечно, голоден, – поддержал отец, – крепчает на глазах! Был бы у тебя такой аппетит, ты бы уже давным-давно вымахал выше меня. Хотя знаешь, вообще это хорошо, что ты растешь не так быстро, как кошки. Я все еще могу тебя многому научить, и ты не покинешь это место, пока не станешь достойным человеком. К тому же мне нужен постоянный компаньон, чтобы ходить на рыбалку. Вдруг я поймаю огромную рыбку, вытянуть которую самому окажется не под силу.

– А я бы хотел быстрее стать взрослым, – говорю я. – Куплю себе, что захочу!

– Никогда не спеши получить то, чего и так избежать не удастся, – ответил отец. – Ну что! Может быть, пойдем посмотрим, приготовила ли наша мама ужин?

Но не успели мы пройти и десятка шагов, как полчище рваных теней нагнало нас по земле. Быстрые и однообразные, будто они принадлежали сотне тяжелых бомбардировщиков, летевших бомбить Кельн. Как оказалось, их оставляла огромная стая ворон, тянувшаяся длинной узкой змейкой до самого горизонта. Тысячи, а может, и сотни тысяч черных тварей сбились в плотный поток, устремившийся как можно быстрее покинуть эти спокойные места. Они летели молча, словно сэкономили силы и берегли дыхание, и только завидев людей, начали про-

тивно каркать одна за другой. Кричали они не так, как обычно приходится их слышать, а будто надменно, с издевкой, с насмешкой.

Отец обернулся и устремил свой взгляд в том направлении, откуда летели вороны. Что-то черное, тяжелое и гнетущее царило в той дали, отчего он замер, ожидая увидеть самое худшее. Вдруг среди этой надвигающейся тьмы что-то вспыхнуло и на миг ярко осветило черноту. Через добрый десяток секунд донеслись еле слышимые раскаты грома. Тут же, будто по сигналу, потянул и легкий ветерок.

Схватив меня за руку, отец влетел в дом и явно с волнением в голосе сказал матери, чтобы она все бросала и шла помочь ему.

– Что стряслось? – спросила она.

– Смерч, будь он неладен! – ответил он.

– В это время года?

– И еще какой сильный, похоже! Нам нужно забить окна щитами, убрать все с улицы и оборудовать погреб.

Они вышли из дома и взялись за свои приготовления. Я же, недолго думая, отправился искать своего котенка.

– Не отходи далеко, прошу тебя, – прокричала мать, когда заметила меня.

Я подобрал котенка и вернулся в дом. Родители к этому времени заколачивали первое окно и внутри поселился полумрак. Я подошел к другому окну и принялся смотреть туда, откуда приближалась беда. За смехотворный отрезок времени туча успела расползтись по горизонту. То здесь, то там тьму прорезали вспышки молний. Было здорово за ними наблюдать, что тут скрывать. Они были кривые, длинные, пульсирующие. Иногда походили на атаку небесного бога, со всей злобой и ненавистью вонзавшегося свой трезубец в земную твердь.

Мать, наконец, присоединилась ко мне в доме, а отец передавал в открытую дверь какие-то предметы, что собирал вокруг дома. Раньше я не сталкивался с таким явлением, как смерч, но сейчас почему-то был уверен, что он обладал страшной силой, способной лишить меня всего того, чем я дорожил. Я так сильно переживал за отца, ведь он все еще оставался снаружи, и просил мать уговорить его вернуться в дом. Ветер уже дул с такой силой, что углы крыши начали отзывать свистом. Она пыталась успокоить меня, хоть и переживала не меньше моего, обещала, что он скоро прибудет. Я не мог ждать и затем уже сам начал звать его, ожидая наилучшего.

– Подожди, Марк, я уже скоро, я сейчас буду, – слышался его ответ. – Закройте дверь, я только соберу инструмент и вернусь.

Словно удар гигантского кулака в стену ознаменовал начало природного деспотизма, на что дом отозвался встряской и тягучим скрипом. В мгновение ока весь внешний мир, едва просматриваемый сквозь щели, исчез в пылевом облаке, а мелкие камешки принялись громко стучать в тонкие щиты, закрывавшие окна. Но где отец, почему его до сих пор нет?

Проходят бесконечно длинные минуты, но он не возвращался. В противовес ожиданиям ветер заметно усилился и принялся еще тоньше выть, и даже где-то пробил дорожку внутрь дома. В тонкую крышу и щиты начали хлестать более крупные камушки, а возможно, это был град. Казалось вместе с тем, кто-то ударял по дому, как-то отчаянно, все громче и сильнее, словно он принадлежал отчаявшемуся путнику, ищущему спасения от смерти.

Мать заглянула сквозь щель в заколоченном окне, надеясь увидеть отца, потом прижалась к противоположному проему и попыталась там что-то высмотреть.

– Проклятье! – выразилась она. – Все гораздо хуже, чем я думала!

Она ринулась к середине комнаты и бросилась искать веревку на полу, что была привязана к крышке погреба. Потянув за нее, она открыла черный проем.

– А ну мигом вниз! – скомандовала она.

– Но папа? – пытался упираться я.

– Я сказала, быстро! – прикрикнула она и сверкнула глазами ярче тех молний, что сияли снаружи.

Она спустилась в погреб следом за мной и захлопнула крышку. Сама же крышка ни на чем не держалась, а лежала на досках и гремела под действием сквозняков. Моя мать, ожидая любого развития событий, схватилась за веревочную петлю и больше ее не отпустила.

Первым делом ветер вырвал крышу нашего дома. Не сразу, но все же справился с ней довольно легко. Сначала она медленно, с оглушительным треском и скрипом начала отрываться от стен. Два ее угла поднимались все выше и выше, и вот уже она почти взлетела, но вдруг ветер прервался, и она с сильнейшим ударом, подбросившим дом, грохнулась обратно. И вновь треск, она снова взлетает, скрипя выдираемыми гвоздями, и вновь падает. Третий раз она не выдержала. Словно накопив силы и ярость, она вырвалась на свободу. Взлетела и грохнулась, но уже в отдалении, едва слышно, оставив дом наедине совсем с другими звуками, в ожидании еще худших событий.

С этой секунды сквозь щели погреба проникал свет сверкающих вспышек молний, и проглядывалась гнетущая чернота небес. А капли дождя с песком просачивались по краям. Теперь все, что нас отделяло от внешнего мира, это несколько половых досок. «Хоть бы один обнадеживающий лучик солнца», – звучало в голове.

Удивительным было это чувство призрачности человеческой жизни, такой слабой, такой хрупкой. Любое явление природы может с легкостью забрать твою душу, будь это жара, холод, дикие животные или сильный ветер. И думая об этом, начинаешь глубже понимать, как человеку мало все-таки нужно и как бессмысленно его существование без этого великого чувства безопасности.

Следующей на очереди оказалась входная дверь. Она распахнулась и как давай стучать об стену, настойчиво, злобно, безуданно. Но внутри, в темноте погреба, казалось, будто кто-то колотил в нее, требуя получить свою жертву по праву силы. В конце концов, и ее тоже сдуло прочь, сорвавшись с петель.

Ветер становился сильнее, это чувствовалось по свирепевшему реву, что он издавал. Поддувая под крыльцо, он принялся сотрясать пол, а вместе с ним и голые стены. Мать небрежно вышвырнула все банки с плодовыми заготовками из небольшой ниши в глубине погреба и заставила меня туда протиснуться. Сама же туго обмотала веревочную петлю крышки погреба вокруг своего запястья, чтобы не упустить момент, когда вдруг ветер начнет ее вырывать.

И тут затишье. Почти мертвецкая тишина. Многообещающая тишина, нарушаемая лишь звуками падающих с высоты мелких камушков о доски пола. Невероятно, но и щели в полу засветились ярким солнечным светом. «Неужели все беды позади, – думал я, – вот только где же отец?» Я спросил мать, можно ли мне выбраться наружу, но она лишь взглянула на меня из-под нахмуренных от дум бровей и резко помотала головой. Все ее нервы были напряжены до предела. Без сомнений, она и сама гадала, что могло произойти с ее мужем и что ей следует делать дальше. Она сидела на корточках, практически всем весом повиснув на веревке, и ждала чего-то, прислушиваясь. Знала ли она, что у нас впереди, для меня было загадкой.

Ветер снова вернулся. За считанные секунды он набрал ту же силу, с какой перед этим разрушил наш дом. Послышались странные звуки, словно что-то волочилось по земле все быстрее и быстрее и со страшной силой это самое вмазалось в стену постройки, практически подняв целый ее угол в воздух вместе с полом. Было невероятно шумно и невероятно страшно, и мать отчаянно пыталась успокоить меня, хотя смысла в этом не было. Я, как и прежде, молчал, забившись в нишу, и вместе с тем пребывал в ужасе, сковавшим мое тело.

– Это всего лишь крыша, это она ударилась о стену, – кричала она, пытаясь перебороть свист ветра и стук камней.

Но мне уже не верилось в счастливую развязку сегодняшних событий. Почему-то во мне родилась твердая уверенность, что все несомненно закончится грандиозным финалом, страш-

ным и оскорбительным. Чем-то, что заставит меня пожалеть о том, что я человек думающий и, главное, любящий. То самое, чего я больше всего боялся, и произошло.

С той же подлостью, с какой дерзким пинком разрушаются песочные замки, ветер вырвал с корнем остатки дома и начал их то катить, то подбрасывать вверх, как какую-то картонную коробку, подхваченную из мусорного контейнера. Он рвал стены на части и выдергивал бревна вместе с половыми досками, словно желал отомстить, показать свою свирепую ненависть ко всему человеческому.

Вместе с домом исчезла и мать. Она даже не успела понять, что произошло. Проклятая веревка, которую она обмотала вокруг своей кисти, просто утянула ее за собой, и теперь нет дома, нет стен, нет того мира, в котором я чувствовал себя в безопасности, где жили самые дорогие мне люди. Ничего не осталось вокруг, кроме голой степи до самых границ горизонта. Теперь я один, под властью любых обстоятельств.

Но самое главное: похоже, я вспомнил, как выглядят мои родители. Я нисколько не сомневаюсь, что это именно они. Подозреваю, их явление было не просто так, а может, я все сочиняю, – закончил Марк.

– Не самый лучший твой сон из тех, что ты мне рассказывал, – ответила ему Ангела и мягко сжала его плечо. – Но давай не будем сгущать краски, ведь тебе приснятся еще тысячи других, не менее впечатляющих.

– Таких, спасибо, больше не нужно. У меня даже сердце почему-то болело все утро.

– Больше и не будет, я уверена, – успокоила она, пощекотав кончиками пальцев его шею.

Глава 9

Счастье не может быть долгим, так, кажется, говорят. И несмотря на всю кричащую трагичность, это правильное выражение. Когда ты счастлив, то время бежит в сотни и даже в тысячи раз быстрее. Почему, я и сам не знаю. И будучи таковым целую жизнь, ты проживаешь ее, не успев задуматься о том, что можно и нужно за что-нибудь такое зацепиться, что-то сделать, чтобы время хоть немного замедлило свой темп. К тому же, кроме скоротечности счастья, есть достаточно много жизненных обстоятельств, готовых испытать его на прочность.

– Ангела! – вмешался в разговор чей-то запыхавшийся голос прямо из дверей читального зала. – Тебя вся школа ищет! Скорее иди в приют, тебя там ждут.

– Наверное, опять к тебе приехали, – не чувствуя подвоха, предположил Марк.

– Что-то я не уверена, – ответила она как-то подавленно. – Обычно ко мне на выходных заходят. Но в любом случае я должна пойти узнать, в чем дело.

Она поднялась со стула, поправила свое платье, повесила рюкзачок на плечо и направилась к выходу. Прямо перед дверьми она остановилась и повернулась к Марку лицом.

– Марк! Очень важно выказывать упорство и самоотверженность, когда идешь к своей мечте. И самое главное, чтобы она была благородной, – произнесла она то, что, по мнению Марка, вообще не имело в данном случае никакого смысла. Затем она развернулась и вышла вслед за посыльным.

***

О том, что Ангелу удочерила парочка американцев, Марк узнал на следующий день, когда, к своему удивлению, не дождался ее за партой перед началом урока. Все девчонки к тому времени давным-давно были в курсе событий и охотно поделились тем, что сами услышали.

К десяти утра приехали люди из центрального приюта, а с ними два иностранца – мужчина и женщина. Они уже были замечены здесь за три дня до событий, и точно было известно об их планах кого-нибудь из девчонок забрать с собой. Никто и вообразить себе не мог, что Ангела окажется той самой подходящей кандидатурой. Ее поначалу даже и не рассматривали, ввиду ее особенностей, но кто-то припомнил ее владение английским языком, потому появилось твердое предположение, почему выбор стал очевиден. Прямо сейчас она находилась в Берлине и сегодня-завтра, как ожидалось, покинет страну.

Весь остальной день для Марка уже не имел никакого смысла. Уроки, учителя, звонки – зачем все это? Кому все это нужно? Как жалки и смешны человеческие телодвижения в едином бессмысленном стремлении куда-то, куда сами они не хотят, думал он. Но Ангела, разве она не могла отказаться? Она же обещала, мы же с ней договорились... Всего лишь три-четыре жалких года, и мы свободны, мы вольны делать все, что нашей душе заблагорассудится. Почему она так поступила? Хотя могла ли на самом деле она этого не делать? Все равно не верю, никому больше не верю. Никому и никогда.

У Марка закипала кровь от гневных мыслей, а его воображение подливало масло в огонь, описывая красочные картины ее измены. Легко и радостно она собирает свое жалкое тряпье и со счастливой улыбкой на лице, особенно яркими горящими глазами, садится в чистенький автомобиль. Мчится навстречу своему будущему, и жалкой слезинки не проронив. Именно так выглядели те, кто покидал детский дом и никогда больше не вспоминал об этом месте.

Что-то было такое в душе Марка, отчего хотелось просто сдохнуть. Притом сделать это назло, наказав всех и вся, всю концепцию поганой жизни, всю человеческую природу. Освободить любую живую душу от мук, подобных этим, раз и навсегда. Значит, вот он, тот самый ад, про который заикался Курт. Боже, нет, только не он! Он же редкостный подонок, он не может быть прав!

– Ничего, братан, – как-то по-особенному, дружелюбно встретил его Курт. – Не вини ее. Иначе поступить ей бы не дали.

– Но она могла хотя бы попросить задержаться на день, всего лишь на час. Мы хотя бы попрощались и...

– Она пыталась, правда пыталась, – солгал ему Курт. Ее всю зареванную отсюда чуть ли не волоком выпихнули. Директриса орала так, что окна во всем здании дребезжали.

– Правда? – удивился Марк. – Мне об этом не говорили, а ты откуда знаешь?

– Я все знаю, сколько раз тебе говорить! Это всего лишь старый добрый Злой Рок, он и не таких под себя подминает. Даже у богов поджилки трясутся при упоминании о нем, и ты помни о нем всегда!

– Значит, не все так плохо, – подумал вслух Марк.

– Да забудь! То ли еще будет впереди. В любом случае я тебе сочувствую, друг, и готов помочь, даже если тебе это не понравится. А в ближайшее время у тебя точно не будет времени, чтобы болеть душонкой, потому как страдать ты будешь от боли физической. Тут уж я постараюсь. Ну а теперь соберись, слизняк, иначе я лично выбью из твоей головы всю придурь, которой она тебя заразила! – закончил Курт, и ему снова вернулся настрой озлобленного отщепенца, отразившийся в отголосках заключительных слов.

***

Этим же вечером Курт его не трогал со своими тренировками. По счастливой случайности он был, похоже, вдрызг пьян, если судить по источавшемуся от него запаху. А значит, у Марка нашлось немного времени подумать о дальнейших планах. Но все, к чему он мог прийти, это то, что ему следует как можно скорее оказаться рядом с ней. Совсем не важно, где она объявится, пусть и на другом континенте, но я обязан найти ее. Сейчас, разумеется, предпринять ничего не получится, впереди целых три года, и только тогда прекратится надзор за ним. К тому времени он будет гораздо взрослее и снова сможет общаться с ней, любить, вдыхать полные легкие ее запаха, держать ее за руку, разговаривать, обнимать...

И если придется, а в этом сомнений уже нет никаких, он отправится на другой конец света. Пусть даже поиски будут длиться всю его жизнь, или она окажется замужней женщиной с кучей детей и мерзостным богатеем-мужем – главой мафии. Он во что бы то ни стало придет и заберет ее, наплевав на все преграды.

Глава 10

Удивительное все-таки это дело – силовые тренировки. Хочешь того или нет, насильно ли ты их выполняешь или по своей собственной воле, но действовали они успокоительно на переполненный гневом молодой организм. К тому же нашему герою пришлось сражаться с достаточно красочными, самоуничижительными сценами, рождавшимися в его голове. И в этом они также оказались полезны.

Марк и сам не мог представить, во что бы превратился его разум, если бы не Курт. Боль по всему телу и ежедневное смещение границ своих возможностей, как в области физической силы, так и силы воли, оказались довольно мощным средством в борьбе с унынием и неутолимой злобой на весь мир. К тому же его перестало беспокоить будущее, что ждало впереди.

Однажды Марка разбудил страшный удар по заду через решетчатое дно второго яруса кровати. Словно облитый ледяной водой, он подскочил на ноги и выстроился перед Куртом, прозябая от холода. Курт лежал, закинув ногу на ногу, в одежде на нерасправленной кровати. Он был явно не в духе.

– У меня кончились сигареты, так что слушай меня, – начал он. – Сейчас ты пойдешь на чердак. Там перед ним будет решетчатая дверь на замке. Один прут двери сдергиваешь и валишь дальше до слухового окна. Находишь веревку, и с ней по пожарной лестнице слева здания. Понял?

– Да, – ответил Марк.

– Тогда дальше. Привязываешь веревку к нижней перекладине лестницы, иначе потом ты допрыгнуть до нее не сможешь. Запомнил?

– Да.

– Значит, идешь дальше, и главное, никому не попадаясь на глаза, добираешься до левого заднего угла ограды. Там есть куст, в нем длинная палка, ею повыше подопрешь самую нижнюю линию колючей проволоки и под проемом выбираешься наружу. Запомнил?

– Да.

– Помнишь тот дом с продуктовым магазином, ну тот, что самый ближний? – спросил Курт, и продолжил не дожидаясь ответа. – Заходишь в третий подъезд за магазином и звонишь в квартиру номер 49. Кто если спросит, скажешь, что от меня. Отдашь деньги, а тебе передадут сигареты. Обратным путем убери все за собой. Понял меня?

– Понял.

– И не дай боже, тебя поймают или ты расскажешь, как выбрался, тебе лучше тогда сразу в окно прыгнуть. Понял меня? – доканывал его Курт, вкладывая в руку бумажные купюры и какой-то металлический предмет.

– Я понял, – ответил Марк как заведенный.

– Да, еще кое-что, – вспомнил Курт. – Сюда принесешь только одну пачку, остальное спрячь на чердаке. Но чтобы никуда это не пропало. В общем, скачи, скачи, быстрый олень. Скачи!

Марк несколько не боялся оказаться в объятиях внешнего мира в нарушение режима заведения. Но уж точно никогда не бродил там глубоким вечером, хоть и ранней, но прохладной осенью, одетый в тапочки и легкую одежду. Волнение захлестывало его, сердце билось, отдавая ударами в ушах. Напряжение было такое, что казалось, воздух превратился в эфир, густой и упругий, всеми силами упиравшийся его движениям. Но оставить дело он не мог, следовало идти до конца.

Преодолев дверь расположения, он замер и прислушался, вдруг кто-то заметил его. Затем лестница до чердака, и путь перегородила решетка, сваренная из тонкой арматуры и железных уголков. Сверху все прутья держались намертво, снизу нашелся один подвижный. С диким

скрипом Марк выдернул один конец арматуры и тем самым открыл относительно широкий лаз, пробраться через который не составляло большого труда. Дальше была сплошная темень, где и пригодился маленький металлический предмет – бензиновая зажигалка. Осторожно пробираясь до окна, он с трудом нашел веревку, брезгливо повесил ее на шею, подозревая, что к ней чего только ни прилипло. Чердак был просто засыпан птичьими отходами.

Пригнувшись и стараясь не издавать излишнего шума, он прокрался по крыше до пожарной лестницы и стал спускаться. Лестница обрывалась высоко от земли, потому, отмерив необходимую длину веревки, Марк привязал ее к перекладине и скатился по ней на землю.

Кругом была темень и мертвецкая тишина, нарушаемая лишь мчавшимися вдали автомобилями. Короткими перебежками Марк добрался до заветного угла забора и перемахнул через него именно так, как говорил Курт.

Все, наконец он за бортом! Наконец он сделал что-то такое, что делают лишь куцые единицы из самых отважных мальчишек! Этим, можно сказать, он достиг вершины местного криминала. Но все же Марка не покидал страх, а голову терзали мысли, что новые приключения могут принять самый неблагоприятный характер.

Марк пощупал в кармане деньги и побежал до магазина, озираясь и прислушиваясь к каждому шороху. Дорога была пуста, лишь повстречалась какая-то компания молодых людей, весело проводивших время, да собачник со своим питомцем. Тапки были не по размеру, отвратительно хлопали на бегу, потому большую часть пути Марк преодолел босиком по мокрым асфальтированным дорожкам.

Вот подъезд, квартира с поношенного вида дверью, и он давит на замалеванную краской кнопку звонка. Ответа поначалу не последовало и даже жалкого шороха. «Неужели все на этом так и кончится, – пытал себя Марк. – И почему я не догадался спросить Курта, что делать в таком случае?» Решив выказать редкостную настойчивость, он сделал еще один длинный и нудный звонок. Наконец послышались шаги в глубине квартиры, и прозвучал прокуренный женский голос:

– Кто?

– Я от Курта, – ответил напряженно Марк.

Голос что-то заворчал про себя, но ему теперь вторили звуки отпирающихся замков. Дверь приоткрылась, и через образовавшуюся щель на Марка уставился какой-то человек. Секунды, и дверь распахнулась шире, а Марк получил приглашение войти.

– Извиняй, у меня лампочка сдохла, – снова заговорил голос. – Сейчас включу свет в комнате, – что и было сделано.

Взору Марка открылась весьма понурая женщина, лет сорока пяти – пятидесяти, с длинными неопрятными волосами, крашеными и, скорее всего, грязными. У нее было явно пропитое лицо, не выражавшее адекватно эмоций, и неухоженные руки с грязными ногтями. Предстала она в дешевом ситцевом платье, моды этак двадцатилетней давности, довольно поношенном и выцветшем. К тому же оно казалось на размер-два меньше своей хозяйки. На небритых ногах красовались старые тряпичные тапки с дырками на больших пальцах и истоптанными задниками.

Вся эта «прелесть» дополнялась мрачным фоном грязной запустелой квартиры, больше смахивавшей на алкопритон. Отвалившиеся рваные обои, деревянные полы с облупившейся краской, старая замасленная мебель и тараканы, прятавшиеся от света то тут, то там. Смесь ароматов кошачьего быта, плесени и вовремя не выброшенного мусора сдавливала дыхание Марка.

– Что смотришь, ну не убрано у меня. Да и вообще не ждала сегодня гостей, – сказала она, не чувствуя смятения. – Так что же хотел Курт? – спросила она наконец.

– Он просил сигареты, – ответил Марк и высыпал из кармана деньги.

– Ага, шас приду, жди, – сказала она и исчезла в соседней комнате. Вернулась уже с блоком сигарет «Кэмэл».

– Сойдут такие? – спросила она и небрежно бросила их Марку.

– Не знаю, я не курю, – ответил Марк, поймав их.

– А куда тебе деваться! – нахально произнесла она и улыбнулась потерявшими форму губами. – Ну все, зайка, больше ничего не нужно?

– Нет, спасибо, мне уже пора идти, – поспешил Марк.

– Точно?

– Точно!

– Ну тогда катись колобком, парнишка!

– Спасибо вам!

– А знаешь что, – медленно процедила она, – я хочу кое-что показать.

– Спасибо, мне больше ничего не нужно, – поблагодарил Марк, но, не успев обернуться к двери, краем глаза заметил, что она поднимает подол платья. Взгляд как заговоренный вернулся на нее. Твою-то мать, что это за чертовщина!

Женщина стояла и смотрела на него с отвратительной улыбкой алкоголички. Ее руки держали платье у самой груди, и ниже пояса ничего не прикрывало совершенно голое тело. Джунгли, самые настоящие джунгли! Широкие просторы непроходимых зарослей лесов Амазонии спускались с холмов живота и ног куда-то в овраг. Марк в конце концов оторвал свой взгляд, развернулся и принялся судорожно пробивать себе путь наружу. Дверь же, как назло, была защелкнута на автоматический замок, но их на двери висело два. Сразу и не скажешь, какой именно препятствовал побегу.

Какое-то время мадам забавлялась его мучениями с одним, затем со вторым замком. Но все же пришла на помощь, вплотную прижавшись и обдавая теплом человеческого тела вместе со странным душком. Выкрутив защелки в правильную сторону, она отошла. Марк отпер дверь и как маленькая птичка, увернувшись от лап кошки, с блоком сигарет под майкой выпорхнул на волю. «Неужели люди делают так, – удивлялся Марк, – и почему я ничего особенного не увидел?»

Дорога обратно поначалу не доставила хлопот, но, оказавшись на пожарной лестнице, он с ужасом осознал, какую ошибку прежде совершил. Навязав непонятно каких узлов вокруг прутка перекладки, да еще и затянув их своим собственным весом, он с ужасом обнаружил, что не в силах отвязать веревку. Что бы он ни делал, ничего не получалось. Но бросить так было нельзя, ведь кто-нибудь заметит ее и сделает соответствующие выводы. Вдобавок ко всему, он уронил блок сигарет на землю, и пришлось вновь воспользоваться веревкой. Было страшно неудобно развязывать ее в полуподвешенном положении и при этом удерживать ношу. К тому же прутья были ледяные, и все манипуляции приходилось делать на фоне пронизывающей ночной свежести. Не жалея пальцев и ногтей, через боль, он все-таки отвязал веревку и полез с ней на чердак. Одна беда побеждена, но появилась другая: что делать с помятыми пачками сигарет? Ответ пришел незамедлительно. Оставлю-ка я их на потом, а сначала принесу целую.

– Молодец! – объявил Курт, когда получил свои сигареты, – а зажигалка?

– Забыл про нее, – замешкался Марк и отдал ее.

– Она тебе тоже поднимала подол? – спросил он таким манерным тоном.

– Кто, а мм... да, поднимала, – ответил Марк.

– Ты ее хоть это...? – ехидно спросил Курт, мотнув головой.

– Нет, конечно, ничего не было. Фу-у!..

– Слабак! Но можешь идти спать.

Марк не стал рассуждать и сразу влетел под свое одеяло. Но сон не приходил. Кроме того, его руками и ногами завладела мелкая дрожь. Только сейчас он понял, что за время своего приключения промерз до костей. Ко всему прочему удовольствию, в крови свободно раз-

гуливал адреналин, да и неподвластные мысли не давали покоя. Словно по инерции, они раз за разом прокручивали все произошедшие события, каждый раз искаженно, и снова давали кожей прочувствовать каждый эпизод. Проиграв бой в тщетной борьбе с навалившейся бессонницей, Марк побрел в умывальник и под светом обнаружил, что весь перемазан грязью черно-бурого цвета. Ржавая лестница и пробежки босиком не могли пройти бесследно. Марк быстро вымылся и рухнул в постель. Сон на сей раз пришел мгновенно.

***

К сожалению, для Марка вслед за этим походом начались и другие. Курту хотелось сладостей, и Марк приносил их. Но и деньги уже приходилось находить самому без дополнительных указаний. Просто чтоб было, а дальше импровизируй как хочешь. За сладостями следовали колбасные предпочтения, затем алкогольные, а иногда все вместе и сразу. Словом, дорога за забор была протоптана через чужие заначки, карманы, угрозы расправы над слабыми и несбыточные обещания вернуть долги. Курт даже прикинул, что за двадцать минут у него должно быть то, чего он сегодня желал, и злился, если ждать приходилось дольше запланированного.

Зато теперь Марка ненавидели все, кто мог вообще носить в себе ненависть. Его презирали даже самые отъявленные негодяи из местных и, отмечая это, Курт снова вносил свои комментарии.

– Опять ты думаешь всякую глупость про изоляцию и исключение из общества. Ну, раз тебя выбросили из волчьей стаи, становись же орлом, живи как орел, пари как орел, отрывай куски как орел от глупых баранов. Что тебе, мать твою, мешает?

В награду за сомнительные успехи Курт позволил Марку курить. Не сказать, что он очень-то желал еще одну зависимость, с которой проблем было больше, чем с любой другой провинностью. Но отказать Курту в его благодарности он не мог. Курт смаковал до половины и передавал сигарету Марку. Тот молча добивал ее. И все-таки сигареты вскоре пошли хорошо, даже очень хорошо. Курт никогда не ограничивал в них, главное, чтобы они имелись и для него где-нибудь поблизости, и Марк крепко с ними подружился. Что-то для Марка было в них такое, что непременно подкупало. Может потому, что наступало какое-то успокоение, и бушующий злой мир уходил на второй план. А может, оттого, что Курт в это время не терзал его нападками. Да, определенно это мои друзья навсегда, ошибочно заключил Марк, будто по щелчку пальцами откинув все свои сомнения на этот счет.

Глава 11

Как бы ни было нам плохо, но времена меняются и с ними возникают новые обстоятельства. Мне и самому сотни раз приходилось вспоминать с ностальгией то, о чем жалел каждый день в прошлом. Ведь правда, далеко не всегда перемены бывают желанными.

Как раз новые времена и наступили для Марка, когда перед его лицом предстал тот факт, что будучи на один класс старше, Курт должен был покинуть стены детского дома. Дальше его ждала профессиональная школа, и затем все удовольствия жить полноценной взрослой жизнью. Кроме него, в расположении нашлось еще несколько таких мальчишек, радостно предвкушавших перемены своей судьбы.

С вечера Курт сдал постельные принадлежности и казенное нательное белье, затем выбросил часть ненужных ему личных предметов и забрал из секретариата свои документы. Откуда ни возьмись у него оказалась вполне приличная одежда, возмутительная по меркам детского дома. Кожаная куртка, американские джинсы и кроссовки модной в тот год модели. Остальное барахло он спрятал в спортивной сумке. Он поднял воротник и во всей красе завалился прямо на заправленную кровать.

Лежа на спине, сложив ноги крест-накрест, а руки сунув под голову, он так и остался неподвижен до утра, ни с кем не разговаривая и ничем больше не интересуясь. Просто без сна, о чем-то думая про себя. Завтрак в столовой он тоже пропустил, вразрез всем правилам. Вместо этого, в отсутствие свидетелей он выдернул ножку кровати и вытянул оттуда что-то свернутое в плотный рулончик. Затем спрятал во внутреннем кармане куртки. Мальчишки стали возвращаться из столовой и готовиться к новому учебному дню. Кто-то из них передал, что Курта ожидали в кабинете директора со всеми его пожитками. Не сказав ни слова, он встал, подошел к окну и бросил прощальный взгляд на английский сад снаружи здания. Затем развернулся и, направляясь к выходу, остановился в том месте, где был пост ответственного по расположению. Дежурным сегодня был Марк. Курт уставился на Марка, а Марк на Курта.

– Ну что, братишка, все, что я мог для тебя, я сделал, – начал Курт. – Ты уж, пожалуйста, правильно восприми те трудности, что сыпались на тебя с моей стороны. Не думай, что это было мое желание как-то унижить тебя или сделать твою жизнь невыносимой. Не считай также, что у меня проблемы с головой какие-то. Очень-очень скоро, я даже думаю, в ближайшие пару недель, ты и сам поймешь, что все, что я делал с тобой, было частью процесса по выдавливанию из тебя жалкого сынка и превращению в настоящего мужчину. Мужчину-воина, как в разуме, так и в теле. Стойкого, крепкого, готового пойти на все. Против всего мира, даже против самого господ бога, если потребуется, но твердо стоящего на своем.

Главное, не забывай, что без железного хребта нет человека, но есть поганая брюхоногая улитка – существо, чуть что прячущееся в своей тесной раковине. У нее никогда ничего не было и не будет. Не стоит уподобляться ей. Ни разу не жалко слышать хруст ее мирка под подошвой ботинка.

Все, что ты делаешь, измеряй мерой своего достоинства. Никто и ничто не должны посрамить его. А если попытается, то пусть умоляет о прощении ценой своей собственной крови. Без своего достоинства ты не станешь кем-либо стоящим для этой жизни. Ведь разве здорово быть серой соплеобразной массой, как все остальные? Бейся за свой свет под солнцем до победного конца. И главное, запомни: никому ты ничего не должен. Понял меня?

– Да, я все понял, – ответил Марк на привычные пламенные речи Курта.

– Хорошо меня понял? – спросил он еще раз, отвесив легкий подзатыльник по лысой голове.

– Да, я хорошо понял, – более твердо ответил Марк, хотя многое из того он уже слышал, наверное, более тысячи раз и столько же раз давал согласие.

– Ладно! Мм... В общем, когда-нибудь свидимся, дружище, я уверен в этом, – завершил Курт разговор. Мягко ударив его кулаком по плечу, он исчез в проеме двери, не оборачиваясь на ходу.

Глава 12

Курт знал, что говорил, и с его исключением из списков незамедлительно началась какая-то нелепая возня в расположении. Общество пусть еще недоросликов, но все же мужчин радостно встретило падение оков, душивших их свободы и амбиции. И теперь первостепенной задачей каждого стояло как можно скорее выявить, кому достанется место лидера, окажется ли он его сторонником и какие порядки придут с этим?

Первые три дня ничего серьезного не происходило. Один присматривался к другому, в умах и разговорах вспоминались старые обиды и былые заслуги. Откуда ни возьмись объявлялись крепкие друзья, хоть раньше этого никто не замечал, и постепенно группы таких товарищей росли и при этом нагтели. На четвертый, пятый, шестой день возникли первые стычки. Так ознаменовалось начало деления власти внутри отдельных групп. Либо кто-то, осознав, что за ним стоит сила, вел себя отчаянно нагло. За полторы недели выделились две, примерно равные по числу активных участников группы во главе с их царьками, конкурирующие между собой. Весь обывательский мир с напряжением наблюдал, как за спинами дежурных воспитателей вспыхивали мелкие драки и прочие нелепые трения. Как правило, до больших кровопотерь дело не доходило. Скорее это смахивало на брачные бои древесных лягушек, раздувающих друг перед другом пузыри.

В конце концов победу одержала одна конкретная группа, число сторонников которой вдруг неожиданно возросло. Вторая же будто ушла в подполье, собрав остатки своих членов. Правда была еще одна компания людей, про которую я должен упомянуть, и притом достаточно многочисленная. А прозвали ее бандой объедков. Ее сторонников никто не хотел брать к себе ввиду практической бесполезности ее членов, не способных ни драться, ни что-то кому-то доказать.

Среди них оказался и Марк, притом совершенно по иной причине. Новым царькам пришлось здорово поломать голову, решая как с ним поступить. Хотя каждый, положив руку на сердце, мог припомнить «удачливость» Марка с Куртом, но культ личности старого лидера отчаянно оплевывался и растаптывался. Вместе с ним открыто презиралось все то, что было частью старого режима.

Кроме того, Марк за последние годы резко дал в рост и благодаря тяжелым тренировкам уже не выглядел человеком, готовым спокойно стерпеть провокацию или даже надменное отношение. Того и гляди с ним могут быть серьезные неприятности. А значит, следовало для начала проверить его на стойкость.

Два месяца Марка никто не трогал, словно его и не существовало. Банда объедков была вполне многочисленной, и потому не составляло труда найти кому выполнять самую неприятную работу. Марк же спокойно учился, делал уроки, много читал, ходил дежурным по расположению и выполнял прочие повседневные обязанности. Все бы и дальше так продолжалось, если бы на сложившуюся систему не повлияли внешние силы.

***

В один из дней то ли из любопытства, то ли просто от смертельной скуки очередной крупный горе-чиновник решил посетить богом забытое заведение. И, конечно же, как всегда в таких случаях, встреча ожидалась в чистых и опрятных помещениях, где счастливые воспитанники в новых одежонках питаются как в лучших домах Лондона, ни в чем себе не отказывая. Телевидение – обижаете! Без него вообще сейчас ни одно телодвижение не имеет смысла. И почему, я спрашиваю себя, таких недалеких залетных птиц ни разу не смущает тошнотворный запах свежеразкрашенных помещений? Замечу, что и разговоры чиновника и встречающих его должностных лиц со стороны выглядят довольно занимательно. Один задает глупые вопросы, с

противоположной стороны слышна возмутительная ложь. Иногда они меняются местами, один просит, другой обещает. Но форма всегда одна: спрашивает – глупец, отвечает – лжец.

В такой денек Марку как одному из самых работающих воспитанников досталась роль маляра, и он целыми днями мазал шпатлевкой и подкрашивал облупившуюся от стен краску, а кое-где белил потолки. Работы было много, а времени как всегда в обрез. Тогда к нему и подошел паренек по кличке Большой, потому что он был действительно большой.

Руки, вечно утонувшие в карманах, и ноги широко расставлены. Так было легче скрыть их кривизну. Одежда его была в полном порядке, отглажена и сидела по размеру. Кроме того, ее еще не успели потрепать время и казенный стиральный порошок. Верхние пуговицы рубашки вызывающе расстегнуты, на руке часы – редкость для местного общества. В нарушение всяких правил на шее блестела серебряная цепочка. Каждая деталь говорила о нем как о человеке, не гнушавшемся добиваться силой всего того, что он желал заполучить. Кроме того, он был близким товарищем одного из названных здесь корольков.

Весь этот день он служил дежурным по расположению, и в его обязанности входило поддержание порядка. Конечно же, этот порядок наводился руками самых жалких да затюканных мальчишек. Но таких сегодня поблизости не оказалось.

– Взял тряпку и пошел драить сортиры, – нагло приказал Большой.

– Ты, видно, приболел, парниша, – дерзко ответил Марк, – ты, сынка, сильно ошибся! Не к тому человеку ты подошел, и не так.

– Значит, ты отказываешься? Похоже, проблем у тебя давно не было? – продолжил давить Большой, но уже менее решительно, оглядываясь зачем-то по сторонам.

– Со своими проблемами я справлюсь. Бесполоишься, мамуля, за меня?

– А может быть, подумаешь еще разок?

– Тебе еще раз повторить? – разозлился Марк. – Плохо тебе, обезьяне, похоже, доходит?

– Ну хорошо, мы с тобой поговорим еще, – попятился Большой.

– А что не сейчас?

– И за обезьяну мне ответишь!

– Только рад буду!

– Мы с тобой скоро встретимся, – рявкнул Большой, окончательно поворачиваясь к Марку спиной, словно смакуя, раздумывая последнюю фразу про себя.

У Марка не было сомнений, что ближайшие события будут разворачиваться не в самом приятном ключе. Как легко все-таки во что-нибудь вляпаться и как же достало это общение сквозь оскаленные зубы, думал он. Вместе с тем в голове раз за разом витали ранее внушенные Куртом формулы, которые придавали не столько сил и уверенности в себе, сколько награждали душевным спокойствием.

– За покой нужно биться, – произнес он заветные слова полупшепотом. – Сила – это гарантия безопасности. Я больше не тот человек, каким был раньше. Я владею собой и ситуацией, я буду стоять на своем, даже если придется идти против всего мира, против самого Бога, – продолжал он, словно читал молитву. Затем ему вспомнилось, как Курт вдалбливал ему эти мысли, как он издыхал от истощения сил, повторяя это.

Ужин в столовой для Марка проходил в каком-то непривычной атмосфере. Воздух в этот раз наполнял не повседневный шум непринужденной болтовни и лязганья посуды, а жаркие перешептывания, часть которых было легко расслышать в прозрачной тишине. При этом на Марка падали десятки любопытных взглядов. Как же все-таки бывают полезны эти глупые слухи, подумал Марк. Весь грядущий расклад ему был уже известен заранее.

***

Среди ночи кто-то похлопал Марка по плечу.

– Тебя Большой ждет в умывальнике, – произнес сиплый голос.

– Подождет! – ответил Марк грубо, потягиваясь. Ну что же, пора за дело!

У него не было страха перед дракой, какой обычно жидется у меланхолических персон. Никого в своей жизни он больше не боялся. Но его не оставляло тяжкое чувство усталости от всего, будто целый век делаешь одну и ту же монотонную работу. Беспросветно, без надежды поменять хоть что-то в жизни. Когда раз за разом прилетают удары по голове, перестаешь воздвигать это явление в ранг чего-то противоестественного человеческого существу. Драка за дракой он убедился в несерьезности болезненных ощущений, как бы плохо ни складывалась ситуация. А страх, если он и есть, быстро испаряется в пылу боя.

Марк спрыгнул с кровати, и теперь его мысленные образы рисовали печальные останки его противника, униженного и умоляющего о прощении, но недостойного его.

Недолго думая, он надел брюки и куртку. Из-под тумбочки вытянул свои туфли, припасенные рядом, вместо отведенного для этого места. Марк надел их и плотно завязал шнурки. Стараясь не привлекать внимание дежурного воспитателя, дрыхнувшего в комнате отдыха перед телевизором, он направился в умывальник, где уже дожидался Большой, одетый в брюки и тапочки. Он стоял молча, довольный и уверенный в своих силах, просто лыбился и смотрел наглым взглядом. Руки он держал сложенными на груди. Марк плотно закрыл за собой дверь и тоже уставился злобным взглядом на Большого. Как он и ожидал, из соседней комнаты, где находились туалетные кабинки, вышли еще трое. Все как один, разумеется, дружки неприятеля.

Не успели они занять выгодную позицию, как Марк молнией кинулся на Большого, подпрыгнул, выставив ногу вперед и просто въехал ему в грудь. Всегда бей первый, наставлял Курт, всегда начинай с самого сильного.

Большой не успел и слова сказать, как отлетел на пару метров и толкнулся головой о стену за его спиной. На сегодня он был вычеркнут из списка противников. Дальше началась бездумная собачья склока, чьи-то кулаки попадали по голове, груди, иногда от ударов кроме искр и белой пелены на глазах ничего не было видно. Но нельзя останавливаться. Маши руками шире, чаще, резче. Мгновение, снова можно оглянуться, и опять в атаку. Какое-то тело согнулось в пояс, бей его, бей кто ближе, уничтожай его, удар за ударом, работай руками будто отбойным молотком. Кто-то ударил сбоку, кто-то позади, попался еще кто-то в прицел кулаков. Работай, работай, работай.

В определенную секунду Марк услышал какой-то странный звон в голове, затем вспыхнул яркий свет, и все стало темно, все стало вдруг неважно.

Как выяснилось позже, кто-то схватил огнетушитель и с размаху ударил им по затылку Марка, оказавшись позади. Грохот от выпущенного из рук баллона был такой, что дрыхнувший дежурный воспитатель подлетел на своем месте и кинулся к источнику шума. Глазам его открылась просто потрясающая картина. Бежевый кафель на стенах был обильно забрызган кровью, разбросанные тряпки, ведра, на полу лужа. Двое стояли на ногах, а один на коленях лицом против входа, подхватив в локтевом сгибе правую руку. Выглядела она неестественно вывернутой. Сам сидящий на коленях странно двигался, словно кланялся мелкими кивками. Однозначно, ему было очень больно. Кроме этого, у него водопадом бежала кровь из носа, и он не знал, что с ней поделать.

Один из тех, что стоял на ногах, вроде выглядел целым, за исключением порванной губы и оплывших глаз. Его полуголое тело также было сильно забрызгано кровью. Если бы он еще мог видеть перед собой, то продолжил бы драку.

Завершали картину побоища три совсем не веселящих душу тела, распластавшихся на полу. Живые? Раненые? Мертвые? Черт, за какие грехи мне такое наказание и именно в мою смену – первое, что подумал воспитатель.

Заслуженному женщине-педагогу и раньше приходилось разнимать распоясавшихся мальчишек. Ничего не поделаешь, ругай, угрожай, склоки все равно были и будут. А чтобы такое, ну нет, такого ей видеть еще не приходилось. Очнувшись от шока, она бросилась к лежа-

щим, но что следует делать в подобных случаях, не знала. Разум просто начисто вылетел из головы. От волнения сердце ее бешено билось и больно колело внизу. Хотелось уйти отсюда, приложить под одежду к колющему месту в груди свою ладонь. Как же плохо, что не было сейчас ни единой возможности так поступить.

Она судорожно начала бить по щекам одного, а затем второго мальчишку, подскочила к раковине, резко открыла кран, но зачерпнуть воды было совершенно нечем. Тогда она вновь бросилась ударять ладонями и трясти лежащих. Не добившись своего, она выскочила из умывальника, добежала до середины расположения и что есть мочи прокричала:

– Вызовите скорую помощь, кто-нибудь! Быстрее вызовите скорую помощь!

Сил возвращаться у нее не было, боль в сердце резала безжалостно и просто свалила ее с ног. Прижавшись к полу своим задом, она принялась жалобно охать, и мальчишки, подхватив ее, дотащили до стула. Она и там продолжала что-то лепетать про свою нелегкую судьбу и как мерзко жизнь поступила с ней. И все же чуть позже успели во многом обнадеживающие вести. Все пришли в себя.

***

Через две недели всех участников потасовки по очереди выписали из больницы и вернули обратно в приют, как стал называться детский дом. Кого-то наградили гипсом, кому-то достались швы, но каждого в расположении приветствовали как героя. Те в свою очередь хвастали списком залеченных ран и перечнем блюд больничного рациона питания, что удалось вкушать.

Последним объявился Марк. Его просто продержали в стационаре, потому как не знали, что с ним делать дальше. Сквозили даже идеи отправить его в другой приют, но позже от них отвернулись. В расположении его встретили едва ли не с большим восхищением, но все же восторг был скрыт у каждого глубоко внутри. Лишь редкий смельчак подошел к нему, чтобы полюбопытствовать о последних днях вне общего дома.

Зато к привычной внешности Марка добавился хороший такой порез, проходящий прямо под левой скулой, впоследствии превратившийся в зазубренный шрам. Он-то и добавил к окружившей его ауры немного свирепости и служил неким напоминанием для каждого кандидата в противники. Титул самого сильного человека в расположении отныне стоял за Марком, а тех четверых спасло только чудо. Вернее, кто-то лишний вмешался и спас их от гибели. В любом случае Марк стал исключительной персоной и шутить с ним больше никто не отважился.

Чуть позже вечно разъяренный директор заведения вызвал всех участников инцидента по одному в свой кабинет и самым серьезным образом накатывал на них угрозами, среди которых успехом пользовались такие слова, как преступник, полиция и тюрьма. Хоть он и пытался кого-то вернуть на путь истинный, но его воспитанники были не из числа тех, кто считал такие понятия чем-то сверхординарным. По юношеской глупости даже чем-то приключенческим. Тем не менее, каждый для себя на всякий случай согласился, что в ближайшее время не стоит вляпываться в истории.

Ко всему прочему, директор наградил всех обязанностями по выполнению общественных работ. Кому-то досталась столярная мастерская, кто-то теперь ухаживал за зелеными насаждениями близлежащих парков и скверов. При этом даже платили какую-то мелочь. Мало, конечно, по сравнению с затраченным трудом, но, как отметил Марк, на сигареты теперь хватало, да и дни летели быстрее.

В принципе, последние месяцы в приюте стали золотым временем для Марка, когда можно спокойно жить, думать и делать свои дела. Дни омрачались лишь ожиданием заветной даты. Вот-вот уже приближалось его время, когда он сможет покинуть стены заведения и будет вкушать сладостный воздух свободы. Стоит отметить, что жизнь в расположении приюта для Марка стала гораздо проще. Мир теперь не казался таким злым, и даже исчезла нужда постоянно скалить на всех зубы. Просто все шло спокойно, своим чередом.

Постепенно удалось найти общий язык со всеми отморозками, а тем более их связывала и даже принуждала быть дружными общая пагубная привычка. Сигареты все больше и больше завоевывали умы и рты молодежи. Хотя, что греха таить, на самом деле они сделали это задолго до того, как первая смердящая соломинка была застигнута перед их собственным носом.

Марк стал как раз тем источником, кто мог легко их достать. Пусть и дороже, но зато стабильно. Продавцы табака же, как правило, гоняли недоросликов, часто даже угрожали поймать и сдать их в полицию. Кроме сигарет ценились сладости, кое-какие мелочи из джентльменского набора, и Марк активно находил их.

Вместе с тем в голове все ярче разгоралась одна навязчивая мысль, не дававшая Марку покоя. Неужели все-таки Курт был прав, когда под пинки принуждал меня тренироваться, делать все эти подлые поступки? Да как же так? Я же ненавижу его! Он же подлый, злобный, и кажется, презирает всех и все. Но постепенно, как принято в таких случаях, память избавилась от плохих воспоминаний словно от опасного для жизни груза, а где-то приукрасила их. Мысленная риторика, вместе с тем, также стала совсем иной. Все-таки он был прав. Сила – это гарантия безопасности! И, черт возьми, когда-нибудь я обязательно поблагодарю его, в конце концов заключил Марк.

Также и Ангела все чаще становилась предметом его размышлений, пусть он и пытался понизить интерес к ней, но разум напрочь отказывался полностью исключить ее из памяти, еще ярче выбрасывая на первый план ее образы в голове.

Где она, что делает, помнит ли она о нем, будет ли рада видеть его, когда он, наконец, найдет ее? Мысли раз за разом рисовали романтические сцены, подхваченные из самых трогательных голливудских фильмов. Где-нибудь на фоне Большого каньона или широких просторов Дикого Запада он обнимет ее крепко-крепко и скажет: «Я тебя больше никогда не отпущу, никому-никому не отдам». Было тепло и приятно на душе, а главное, было спокойно.

Часть II. Университет

Глава 13

Дирекция приюта по достоинству оценила достижения Марка и дала ему положительный отклик в сопроводительном листе, дополнившем школьную грамоту. Кроме того, его уверили в горячей поддержке во всех его начинаниях.

Хотя Марка долгое время и считали оторвой-парнем, но после вышеописанных событий его будто подменили. Он извинился перед всеми, кому он в приюте принес неприятности, и покаялся перед преподавателями. Кроме того, искренне обещал директору, что до конца срока в заведении он приложит все усилия, чтобы о нем никто больше не вспоминал.

В конце концов, он сдержал слово. Похоже, Марк, сам того не осознавая, подкупил всех должностных лиц кардинальными изменениями в своей натуре. Словно он был героем захватывающего боевика, в котором плохой парень, в силу душевных преломлений, переходит на сторону добра. А затем, разумеется, активно борется со злом. Эту заслугу, скорее всего, и присвоили себе старшие воспитатели. Без сомнений, теперь они тепло относились к своему нерукотворному шедевру.

Во многом благодаря этим подвигам Марк и сумел поступить не в самый худший в Германии Берлинский университет по машиностроительной специальности. Хотя это было не лучшим местом для стремительного начала карьеры после выпуска, но вполне достойным, чтобы оказаться востребованным на рынке труда.

Марк здесь выбил место в общежитии, комнату одну на троих, где его соседями стали два таких же молодых парня, как и он сам. Пусть судьба свела здесь людей самых разных взглядов и характеров, но все же они привыкли к выходкам друг друга относительно легко.

Первый был жирным, ленивым и дурно пахнущим прожигателем диванной жизни. Капризный как ребенок и несколько неприученный к порядку. За все годы ему не приходилось мыть полы, готовить и даже драться, кроме тех случаев, когда его просто колотили почем зря. Общение с девушками для него вообще за гранью фантастики. При их приближении он просто впадал в немой ступор. Ровно так и делают многие животные, а именно притворяются мертвыми, почуяв опасность.

Как прояснилось позже, его воспитала мать-одиночка, причем довольно неглупая. Но с ней были связаны кое-какие происшествия. Внезапно забеременев, будучи незамужней, и лишившись потому шанса выйти замуж, она прошла все круги порицания и стыда. Стоя перед зеркалом и наблюдая день за днем, как растет живот, уродуя ее красоту и будущее, она раз за разом повторяла про себя слова ненависти к этому плоду от грязи.

Хуже всего было то, что все ее деловитые родственники теперь крутили носами, будто знать ее никогда не знали. А горе-отец – какой-то французский парень, с кем она познакомилась в небольшом отеле на курорте в Испании. И зачем я поддалась уговорам своих глупых подруг отправиться на Средиземное море, пилила она себя.

Какое-то время она открыто ненавидела своего ребенка. Обращалась с ним исключительно грубо, ухаживала через раз, кормила лишь для того, чтобы он, наконец, заткнулся. Но материнские чувства все-таки возобладали в ней во время тяжелой и продолжительной болезни сына. Он кашлял и кашлял, пока не начинал захлебываться в пугающей хрипоте. И она невольно припомнила, как мучительно было то ощущение медленного удушья от отека легких в своем собственном далеком детстве.

Все сильнее и глубже презирая себя за собственную подлость, она сменила немилость на сверхзаботу, которая и превратила ее чадо в нечто бессильное, расслабленное, в то, что легко размазывается на куске хлеба.

Впадая в ужас, наблюдая это со стороны, его бабушка, успевшая помириться со своей дочерью, отважилась разорвать этот порочный круг и уговорила мать отправить сына подальше от нее. Туда, куда не дотянутся разрушительные руки заботы. Так он и оказался соседом нашего героя.

Второй жилец был не менее любопытной личностью и также явился продуктом противоречивого родительского воспитания. И почему в школе нет предмета с названием «Как не стать самым худшим родителем для своего дитя»? Ну конечно же, каждый из нас на каком-то особом генетическом уровне знает, как делать свое родительское дело, и притом в высшей степени правильно. Ну да ладно.

В общем, второго звали Макс. Будучи четвертым ребенком в семье и единственным – мужского пола, он стал объектом для воплощения самых вожделенных грез отца. Создатель услышал его горькие мольбы и подарил-таки ему сына, а значит, отцовская благодарность обязывала дать стране успешного офицера, глубоко верующего в бога и власть. Но, видимо, и здесь бог решил испытать прочность веры, каждый день погружая папашу в бездонные пучины надуманного стыда.

Мальчишка рос и с течением времени превращался то в хипаря, то в металлиста, то в поклонника панк-рок-культуры, поэта и музыканта. Все это не лишало Макса блестящего ума, мягкости характера и желания биться за высшие человеческие идеалы. Конечно же, он стал противником религии и соответственно политического деспотизма и несправедливости законов, о чем трезвонил на каждом углу. К оружию, погоням и форме у него сложилось искренне тошнотворное отношение. Как и к принуждению со стороны «недалекомыслящих». Он даже в кинотеатре смотреть на мундиры не мог, не скореежившись от презрения, пусть они и сидели на благороднейших мушкетерах. Все войны от военных, неустанно уверял он каждого собеседника.

И вот одним прекрасным деньком он в очередной раз парировал наивно-патриотические лозунги своего отца за семейным ужином. В пух и прах, как ему казалось, уничтожая его смехотворный солдафонский мир. Пик успеха в этом нехитром деле обозначился бешеным взрывом гнева главы семейства, когда лицо папашы внезапно воспламенилось красным, а его кулак со страшным ударом сотряс стол. Все прочее негодование было выражено длинным монологом о нежелании держать сынка на своей шее.

– ...по окончанию школы ты отправляешься учиться как можно дальше от этого дома, и чтобы духу твоего здесь не было. Никогда! До сей поры ты достаточно позорил мои седые... – не закончил он предложение, бросив взгляд на испуганных дочерей. – Давно следовало это сделать!

С тех дивных пор они не проронили друг другу ни слова. И хотя зачастую это вызывало неудобства, Макс не сильно расстраивался. Окончив школу, он был счастлив появиться здесь.

***

Ну вот, теперь пришло время наконец вспомнить и о том, что я обещал. А именно рассказать немного подробнее о самом Марке, поскольку до этого места повествования он практически ничего из себя не представлял.

В общем, из ничем не примечательного заморыша вырос вполне складный молодой человек, если закрыть глаза на отдельные нюансы. Он был чуть выше среднего роста, недурен собой и крепко сбит. Волосы, наконец, отросли и показали свой темно-русый цвет. Чуть позже на голове появилась вполне годная прическа. Лицо довольно мягкое, вечно задумчивое. Постоянный полет мыслей вдалеке, в других пространствах и времени, наложил свой

отпечаток. Спокойствие – вот, пожалуй, его главный жизненный стержень, если судить со стороны. Но и вывести из себя его было весьма легко, если задаться целью.

Говорил он спокойно, вдумчиво. Иногда неохотно и часто заторможенно выходил из своего богатого внутреннего мира, когда к нему обращались. Но были и серьезные провалы в общении с другими людьми. Поделиться из своего жизненного опыта, кроме негатива, ему было практически нечем. А потому прочие смертные не особо выказывали стремление слушать его байки.

Были также отдельные отклонения с юмором и восприятием естественных для обычных людей взглядов. Глупые и неуместные шутки могли создавать весьма красочные образы в его голове. После многих из них он находил себя единственным в компании, кто заливался искренним смехом.

К своим товарищам он относился тепло и доброжелательно, но они к нему – зачастую снисходительно. Он всегда начинал свой день ни свет ни заря, каждое утро тренировался, мыл полы в комнате гораздо чаще, чем другие. Свою одежду он складывал в идеальные прямоугольники туда, где она должна лежать. Все, как приучили в приюте. Но остальных это, мягко сказать, раздражало. Марк и своих соседей пытался привязать к графику распределения обязанностей, и это еще больше их выводило из себя. Помнится, кто-то горячо и отчаянно призывал народы к равенству. Ну и кто в этом мире на самом деле хотел того пресловутого равенства? К равенству следует принуждать, мне так думается.

Всеми силами Марк старался быть честным и справедливым с другими людьми, положительным и надежным в отношениях. Но почему-то настоящих крепких друзей у него никак не прибавлялось. Уж слишком ревностно относился он к столь редким человеческим качествам, и потому казался чересчур требовательным. Но никто не понимал, что во много раз строже он относился к себе и своим собственным поступкам.

Каждый раз его преследовали болезненные ощущения после очередного огреха. Не то сделал, не то сказал, и мучительные мысли, едва ли не переламывающие хребет, преследовали его. Да еще эта проклятая эмпатия! Кроме того, находясь в толпе таких же молодых людей и видя себя словно со стороны на их фоне, он чувствовал некую неловкость, свою неуместность. Уж слишком развязно вели себя остальные против его обычной сдержанности. К тому же он быстро уставал от шума человеческой толпы, и часто нападало желание забиться в свой спокойный угол. Хотя бы пару часов побыть в объятиях настоящей тишины и свободы.

Все-таки он был из другого мира, чем-то крепче остальных, во многом тверже, но бывало, в обыденных ситуациях выказывал себя нелепо, как эмалированный тазик на фоне прочих глиняных сосудов для вина.

Странные сны так и продолжали сниться ему. Изредко удавалось увидеть и Ангелу, но всегда почему-то вдалеке, как-то мимоходом. Он и думал о ней, и злился на нее. Иногда ее просто ненавидел, сам не зная почему. Ее голос в голове часто пилил его за проступки и мелкие ошибки, а он мысленно огрызался в ответ. Но почему звучит именно ее голос, спрашивал он себя каждый раз. Свою первостатейную мечту найти ее в далеком Новом Свете он не оставлял. Но и радость от встречи рисовалась в голове все более вяло и даже немного вульгарно день ото дня.

Так они и жили втроем, в тесной комнатухе студенческого общежития. Жир, ни о чем серьезно не мечтавший и снисходительно относившийся к учебе, громко портил воздух, полезившая на верхнем ярусе кровати. Арамис – наш хипарь. Хлебом его не корми, но дай врубить какой-нибудь тяжеляк на все общежитие. Нередко он неделями пропадал по тусовкам со своими не менее исключительными друзьями, увенчанными ирокезами.

Марк же целыми днями зубрил учебники, зажав тлеющую сигарету между пальцев, или бродил по закоулкам Берлина. Гулять ему однозначно нравилось больше. И выбираясь, он старался увидеть, вникнуть и пережить страсть скульптора в каждой архитектурной завитушке

старого города, не пропуская ни одной памятной таблички на стенах зданий и памятников. Любил он также обследовать ряды книг большой студенческой библиотеки в поисках какого-нибудь захватывающего чтива. Иногда с пары прочитанных абзацев ему открывалось настоящее бумажное сокровище. И едва ли не бегом он мчался в свою комнатку, чтобы, забившись в свой угол, нырнуть с головой в безграничный мир авторских завихрений.

Что за жизнь началась, думал Марк, если сравнить ее с недавним прошлым. Будто я всю свою жизнь гавкал, сидя на цепи, и вдруг такое! Какие-то жалкие мгновения, и я оказался в одном из красивейших городов мира, где меня окружают уже не воспитатели с лицами тюремщиков, а настоящие свободные существа. Он часто улыбаются, не скупы на вежливость, если случайно столкнешься с ними. Не так уж многого от тебя ждут и совсем даже не требуют.

Каждое утро дорога в университет и обратно сопровождалась ощущением растворения в эфире вселенной, будто все вокруг безгранично любило его. И эта любовь выражалась теплыми лучами солнца, холодными каплями дождя, прохладным ветерком, запахами цветущих деревьев. Даже радующей глаз ярко-красной неоновой вывеской магазинчика после заката солнца. Да черт возьми, всем чем угодно изумлялся Марк. Теперь все приносило настоящее удовольствие, каждая мелочь была замечена, оценена и взвешена. Немедленно оставалась в памяти еще одной маленькой приятностью.

Жаль, что не всегда удавалось сделать длительные выходные прогулки. А Марк любил бродить вдоль речных каналов, через винтажные мосты, старинные площади, мимо шикарных административных зданий с башенками, колоннами и высокими гранитными лестницами. Путь часто петлял мимо памятников великим мира сего и мест, где они когда-то жили. Иногда хватало денег на маленькую чашечку кофе в крошечной кофейне, каждый раз на новом месте.

Приятно было это ощущение похода в гости, возникавшее за столиком очередной забегаловки. Невероятной силы удовольствие вызывало изучение людей, сидящих по соседству. Лишь украдкой взглянув на кого-то, поймав его настроение и эмоциональные детали разговора с собеседником, Марк мог каждой клеточкой своего организма ощутить то, что ощущал наблюдаемый. Примерить на себе чужую жизнь, поскольку сам еще не понимал в целом, каким ему следует быть самому и к чему стремиться.

Однозначно было для Марка ясно, что пребывание в детском доме лишило его каких-то человеческих черт. Грубый жаргон, странный юмор, крайнее недоверие к людям, коих он часто одаривал взглядом исподлобья, вовсе не были в чести у простых смертных. Не знал он, и о чем не стоит говорить, что уместно, а о чем промолчать. Как выглядеть, как одеваться, как вести себя в той или иной ситуации. Такое часто бывает с детдомовскими мальчишками. И слава богу, Марк быстро это понял, потому для себя и решил плотнее общаться с людьми «за забором». Чтобы стать таким, как все, и избавиться от этого липкого налета прошлого.

С девушками поначалу вообще был серьезный провал. Хотя они поглядывали на него с любопытством и часто заливались дурашливым смехом при знакомстве, но после короткого диалога мысленно крутили палец у виска. Красивые и ухоженные городские особы, в отличие от тех, что он наблюдал в школе, казались Марку ангелами, свалившимися с небес. Как вообще с ними разговаривать, думал он, и о чем, черт меня разорви? Где этот мой пресловутый дар речи и где мой поэтический склад ума, нахваленный преподавателями?

Ситуацию спас как никогда вовремя объявившийся Курт. Он словно волнорез корабля мог войти в любую кучкуюющуюся компанию самых крутых девчонок и завязать непринужденный разговор. А за разговором следовали и новые знакомства, расширявшиеся до Марка.

– Учись, студент! – напутствовал Курт после очередного набега. – Только смелость и решительность берет свое. Если будешь выглядеть жалко и неуверенно как осиновый лист, тебе и собственная бабуля на корку хлеба не займет.

Но постепенно появлялся опыт, объявлялись подруги и новые веселые друзья. Пусть это были не столь уж и крепкие связи, но теперь всегда находилось с кем выпить тайком спиртного,

поболтать и даже посмеяться всласть. Шли месяцы, менялись сезоны, и Марк вновь испытал на себе как чувство пламенеющей влюбленности, так и приходящее затем, выжимающее чувство отчаяния брошенного человека. Зато теперь редко приходилось бродить по паркам и улочкам прекрасного Берлина в сером одиночестве.

Ах, ну да, забыл совсем рассказать про Курта. Пожалуй, стоит вспомнить, как они снова встретились.

Как-то раз Марк стоял в очереди за своим сиротским пособием, изливаясь про себя злобой на бесконечную толпу впереди. Неожиданно он почувствовал на плече хлесткий и дерзкий удар ладонью. Обернувшись, он оказался лицом к лицу с тем, с кем бы пожелал больше не встречаться. Провалиться мне, опять Курт, подумал Марк.

Внешне тот почти не изменился. Да, с виду намного стал взрослее, наглее, кроме того, отрастил волосы, и на лице вместе с щетиной выползли следы беспечного образа жизни. Но узнать его точно бы не составило труда.

– Ну что, гений, – спросил Курт, – какая нелегкая тебя сюда занесла?

– Ты тоже здесь? – бросил Марк первое, что пришло в голову. – Кто бы мог подумать!

– Мир тесен, разве ты еще не понял?

– Да уж, да уж! Теперь, пожалуй, соглашусь...

Разговор сразу не задался. Этот был как раз тот случай, когда каждый не знал, что хочет получить от него собеседник. Просто так выдавливались вопросы, без особого интереса и цели. Хотя Марк не особо был благодарен Курту за то, что тот существенно затруднил пребывание в приюте, но затаенной обиды на него не держал. Вся логика поступков Курта для него была сейчас достаточно ясна и в некоторых местах неоспорима.

– Ты не в университете, случаем, учишься? – спросил Марк. – Я пару раз наталкивался на твою фамилию в списках. Думал, ты, не ты...

– Я, да, – ответил Курт. – Я тут уже второй год. Ты тоже инженер?

– Я пошел на конструктора, – ответил Марк. – Подумал, что нет ничего более достойного, на что стоит тратить свою жизнь.

– Ну, это правильная позиция. Только сильно не зацкливайся на этом. Есть много других явлений, на которые ты не смог обратить внимание. Просто твой кругозор сейчас достаточно узок, ввиду недавних мест пребывания. С другой стороны, ты можешь с удивлением для себя открыть, какой нелепый все-таки сделал выбор. Да это, в принципе, неважно. Делай дело и не думай ни о чем, – сдался наконец Курт. Говорил он как всегда много и чересчур заумно, но сейчас достаточно мягко. – Ты, кстати, куда сейчас?

– На пару, матан, будь он неладен.

– Не хочешь пропустить?

– Нет, не могу. Слишком рано для начала карьеры прогульщика, – отвертелся Марк. – А ты как здесь? – спросил он из вежливости.

– Я тоже за стипендией, но лучше подойду завтра утром.

– Понимаю!

– Ну, тогда еще свидимся!

– Обязательно! – без особой радости ответил Марк.

Курт кивнув развернулся и побрел по своим делам. Марк же продолжил свое озадаченное стояние в очереди. Как бы ни было, в будущем нужно держаться от него на расстоянии, в конце концов заключил он.

Курт, как оказалось, после прощания с приютом поступил в этот же университет, затем после двух месяцев обучения куда-то исчез. Дал о себе знать он много позже, почему-то в Англии, отправившись туда со своими новыми знакомыми. В следующем учебном году он вновь объявился у ворот учебного заведения, намереваясь продолжить обучение. Непонятно

по каким причинам, но ректор, резко категоричный в таких случаях, не стал прогонять его, а сквозь зубы процедил, мол, пусть учится.

Глава 14

Чуть позже Марк часто пересекался с Куртом в различных местах университета. Впоследствии вообще оказалось, что некоторые предметы были общими. Курт на сей раз не искал возможности встретиться, не стремился к разговорам и не приглашал Марка на какие-либо мероприятия. И Марк при этом не особо горел желанием с ним общаться. Но все же дело сдвинулось в общую сторону, когда Курту понадобился помощник.

– Здорово, дружище! – поприветствовал Курт Марка и опять ужалил плечо хлестким ударом ладони.

– Приветствую! – ответил Марк. – Что у тебя?

– Тебе работа нужна? – поинтересовался Курт. – Я ищу помощника в автомастерскую, а предлагать какому-нибудь изнеженному городскому мальчику что-то не хочется. И я сразу подумал о тебе.

– Работа... – задумался Марк. В другое время он бы категорически отказался от столь любезного предложения, но, припомнив, какие тяготы приходится испытывать с «щедрой» государственной поддержкой, все же решил проявить интерес. – А что за работа?

– Авторазбор, – гордо выдал Курт. – Дербанить тачки на запчасти за деньги. А потом, если дорастешь, то можно кое-чему научиться и зарабатывать побольше. Автомехаником например!

– Авторазбор, но мы же учимся? – нахмурился Марк.

– Не беда! Работать можно хоть ночью, главное, чтобы все было сделано.

– Я бы посмотрел. Деньги мне очень нужны, – загорелся Марк.

– Ну, тогда я на тебя очень рассчитываю. Зайду за тобой сегодня после учебы, устраивает?

– Хорошо, давай! – согласился Марк.

***

Таким образом, благодаря Курту Марк получил работу в автомастерской, где они помогали старшему слесарю за урезанное вполовину жалование. Кстати, одно на двоих. Пусть иногда всерьез приходилось пачкать руки и мордашки, но это была первая настоящая работа, за которую платили самые настоящие деньги. Поначалу оговаривалось, что работать они будут по очереди, через день, но за дополнительные деньги они выходили чаще и работали уже вместе. Хозяин мастерской пополнял запасы, скупая старые и битые автомобили за копейки, и Марк с Куртом разбирали их до винтика, извлекая то, что в дальнейшем может пригодиться. К началу ночи обычно от таких машин оставался один корпус, который под утро отвозился на свалку.

Курта, с тех пор как Марк повстречал его в университете, будто подменили. За время их совместной работы он ни разу не выказал и капли агрессии. Хоть бы одна старая страстишка выползла на волю. Напротив, показал себя преспокойнейшим малым, этаким работягой. Вот только его рот почти не замолкал. Раз за разом он вливал в голову Марку различные толкования об окружающем мире, отношении к жизни, женщинам, к людям, деньгам и поступкам. У голодного на знания молодого человека искусно подобранные слова крепко откладывались в памяти. И хотя Марк был не во всем с ним согласен, но все-таки дар красноречия Курта здорово пододвигал устоявшиеся принципы. Каждый, кто хочет идти напролом, через нравственные барьеры и устои, должен уметь красноречиво говорить. Ведь это то малое, что сотрясает горы.

Каждый новый день убеждал Марка, что у него нет больше достаточно близких людей, кроме Курта. Можно вспомнить, конечно, сокурсников и сокурсниц, с кем он весело проводил время, но, как я уже упоминал, были они весьма легкомысленны. Иногда оказывалось делом нелегким найти с ними общий язык, поскольку Марк совершенно официально стал числиться

жителем другой планеты. В теплых человеческих чувствах, как оказалось, он прославился как полный бездарь. Правда, до поры до времени.

Курт же был надежным, понятным, понимающим человеком, в отличие от остальных. Достойный человек и друг, которого стоит ценить и прислушиваться к его советам. Четко следуя его рецептам, дела Марка повсеместно шли на поправку, и нередко радующими семимильными шагами.

***

Чуть позже, когда навыки работы ключами и отвертками выросли, вместе с этим высвободилось немного свободного времени. Марк с великим энтузиазмом занялся разбором узлов автомобилей, на которые указывал его престарелый мастер, пригнанных уже для ремонта. Он отмывал детали в керосине и затем раскладывал их ровненькими блестящими рядами на столе. Еще пару месяцев спустя, благодаря всепоглощающей юношеской памяти и напористости, Марк стал незаменимым помощником старику, по взгляду и месту работы понимая, что от него требуется в настоящее мгновение.

Престарелый мастер, которого друзья прозвали Автодедом, как выяснилось, не всегда служил автомехаником. Сразу же после Второй мировой войны он окончил институт и устроился одновременно и фотографом, и частично журналистом в довольно популярное западногерманское газетное издательство. Работа фотографом ему нравилась больше, поскольку ничем особым его не обременяла. И даже не вынуждала вставать рано поутру. Кроме того, высвобождалась масса свободного времени, которое он растрачивал, то фотографируя, то развлекаясь с красотками и катанием на своем мотоцикле вместе с друзьями.

В общем, в свое время у него была красивая свободная жизнь, и сейчас, ближе к ее закату, он больше всего на свете любил ухаживать за своим мотоциклом марки «Триумф». А тот, наверное, за последние лет десять ни разу не громыхал мотором. Как позже старикан признался, была у него какая-то беда со спиной, и двадцать минут езды на своей любимой ласточке превращались в недели бессонных ночей, под ярким ощущением сухого скрипа позвонков.

– Только представь, – говорил дед, – как в мельничные жернова вместо пшеницы насыпают песок. Вот-вот! – поднимал он бровь. – Потому и самые тяжелые работы в мастерской достаются вам, молодцам.

Когда доверие к Марку немного подросло, дед бросился рассказывать свои поучительные истории и байки. Будучи еще ребенком, он на собственной шкуре пережил и войну, и послевоенные кризисы, со всеми вытекающими последствиями. Но хуже всего, по его словам, то, что он был три раза женат, и от каждой жены у него остались дети.

Но только лишь историями болтовня его не ограничилась. Выполняя свои рабочие обязанности, дед обильно поливал свежие мозги густым соусом неслыханных, как предполагалось, знаний. В основном это касалось секретов общения с женским полом, иногда с весьма неловкими для слуха подробностями. В том же ряду оказались уроки мужественности и политической грамотности. Марку иногда бывало забавно выслушивать слишком архаичные познания. Настолько, что живот против воли сжимался и не давал легким вдохнуть воздух, пока не проходил приступ могучего хохота.

Дед не обижался. Конечно же, он понимал, что садился на слишком старого конька и часто чересчур рьяно махал шашкой. Но все-таки умел с юмором выйти из подобных тупиков и завершал то, что хотел донести, очередной байкой из своей бурной и в то же время превеселой жизни. Разумеется, он старался всеми силами по-отечески уберечь своего подопечного от ошибок молодости, которые совершил сам, считая это дело тем вкладом, который он оставит, пока ходит по бренной земле.

Среди баек было много историй, связанных с его мотоциклетными поездками. Он часто описывал впечатления, испытанные им в пути, рассказывал о местах, где удалось побывать, и

какие приключения на свою задницу ему уже не получится просто так забыть. Немного подвыпив, он мог повторять свой монолог по несколько сотен раз на дню.

– Даже с самой красивой женщиной не получишь столько удовольствия, сколько можешь обрести на своем железном коне! Да и цена этого удовольствия совершенно иная. Вот будет у тебя свой мотоцикл, тогда я тебя назову настоящим мужиком! А пока... В общем, ты когда-нибудь поймешь меня, – говорил дед.

В конце концов на одного поклонника мотоциклов и сторонника того мироощущения, что можно обрести в тандеме с двухколесным механизмом, стало в этом мире больше. Без особых сложных перипетий они очень сдружились, и работа для обоих превратилась в довольно занятный способ времяпровождения.

Но по какой-то причине Автодед не сошелся характером с Куртом. Марк даже успел заметить: перед тем как Курт покинул мастерскую, они не сказали друг другу и слова за целую неделю. Курт в итоге нашел себе другую работу, а именно барменом в ночном заведении, где и сделал головокружительную карьеру местечкового значения.

Глава 15

Первые доходы в мастерской были довольно смешными. Хотя и возиться на работе приходилось достаточно много, все же навыков у молодежи было не больше, чем у мечущейся белки в колесе. Именно потому все делалось гораздо дольше и ценой излишних усилий. Но на исходе третьего месяца, к великому удовольствию друзей, в конверте обнаружили греющие душу несколько сот марок.

Конечно, это была относительно смешная сумма, но для молодых парней, не имеющих совершенно ничего, это настоящий подарок судьбы. Если верить своим наблюдениям, это был один из немногих моментов, когда они почувствовали, что вся вселенная улыбается им.

Марк, разумеется, задумал купить себе что-то из предметов первой необходимости, и прежде всего одежду поприличнее. И даже рассчитывал на какую-нибудь мелочевку. Но Курт, в своем репертуаре, настоял для начала посетить пару увеселительных заведений, чтобы отпраздновать новые возможности.

– Одежда всегда может подождать, но есть дела поважнее, – приступил он. – Послушай, что я предлагаю и почему! Нам гораздо полезнее будет научиться одному очень важному навыку в этой жизни, а именно привить вкус к деньгам. Мало просто их зарабатывать. Деньги нужно еще уметь тратить так, чтобы ощутить реальную мощь их возможностей, чтобы вся палитра эмоциональных ощущений была полностью прочувствована до последней капли. Чтобы каждое нервное окончание получило то удовлетворение, к которому стремилось всю жизнь. Только получив осознанное эмоциональное подкрепление, связанное с деньгами, ты научишься по-настоящему их любить, ценить и понимать. Только тогда захочешь большие суммы, захочешь шире реализовывать резервы своих возможностей, чтобы та заурядная тяготина, которую мы называем своей жизнью, прожигалась на пике человеческих сил. Быть тем, кем хочешь, быть там, где хочешь, жить так, как тебе вздумается! И эти возможности нам дарят только большие деньги. Посему сегодня мы должны принести жертву нашему великому и веселому богу, чтобы впредь быть успешными и благополучными.

Ну разве не убедительная речь! Вот они и оказались за деревянным столиком в классическом ирландском пабе. Вечно молодые и безгранично свободные среди прочих работяг, вечно жалующихся на жизнь, работодателей и политиков.

В сторону друзей поначалу то и дело бросались косые взгляды и перешептывания, уж слишком зелены они были. Но и розовощекими юнцами их также язык не поворачивался назвать. Все-таки отпечатки жизненных «приключений» на лице делают тебя гораздо взрослее. Потому к ним вскоре угас всякий лишний интерес.

На столике возвышались две огромные пивные кружки. Там же ждали своего часа свиные рульки, дорогие сигареты и пепельница. И все в этом скромном натюрморте было прекрасно. Ни одной лишней детали, именно то, о чем они давно мечтали. Вот так, первый раз в жизни у всех на виду, свободно и легко, как это делают нормальные взрослые люди. Они развалились в креслах, потягивали свое пойло, курили и болтали о будущем.

Почему-то именно в таких явлениях начинаешь понимать свое взросление. Первая сигарета, первый бар, первая девушка, первая работа. И когда уже не остается нераспробованным то, что обычно не дозволено юнцам, тогда, как говорится, добро пожаловать в клуб боли, голода и скуки. Не будем о плохом. Еще был ранний вечер, и остаток дня, как, впрочем, и всей остальной части жизни были многообещающими.

– Сегодняшнюю ночь закрутим так, как никогда прежде, – воодушевлял Курт, при этом как-то странно улыбаясь.

После паба они направились в ночной клуб, куда давно слюнки текли заглянуть. Местечко это было предметом обожания всех тех, кто любил сорить деньгами и вести себя напористо и круто. Потому сюда будто магнитом притягивало самых красивых девушек.

На входе – здоровенный амбал, явно не желавший пускать двух лохмотников, пусть и подтянутых лохмотников. Но Курт что-то сказал сквозь грохот музыки, вырывавшейся из проема, и охранник мотнул головой, открывая путь.

Внутри большая овальная арена, вокруг которой в два этажа располагались места для отдыха и барные стойки. Было весьма удобно, не отрывая свой зад от кресла, рассматривать танцующих внизу людей и, если нужно, присматривать себе партнершу. Мощная музыка первое время мучительно оглушала, безумные световые эффекты ослепляли, а море красивых девушек обращали на себя внимание, вызывали трепет и восторг. И почему вне клуба нет ни единой возможности встретить таких красоток – невольно задаешься этим вопросом.

– Да, это не наши студенческие танцульки, – восхитился Марк.

– Добро пожаловать во взрослую жизнь, дружище, – ответил Курт.

Началось все с рюмок, которые заказал Курт по своему усмотрению.

– Нужно для начала поймать волну и впасть в резонанс с общим весельем. Прислушайся к себе внимательнее и ты поймешь, когда нужно остановиться или дожать. Заодно поглядывай, кому упасть на хвост. Девушек здесь всегда больше, чем парнишек, и если будешь достаточно расторопен, то тебе точно сегодня перепадет, – раскрыл он свой замысел.

Так все и было, как говорил Курт. Первая, вторая, третья рюмка, и музыка словно вселилась в жилы Марка, его мышцы принялись энергично работать в бешеном такте, словно он был марионеткой, которую резко дергали за веревочки. За редким исключением, никогда не танцевавший Марк без тени стыда двигался к середине арены.

Девушки, боже мой, некоторые глазели на него словно голодные львицы, бросали свои пошлые взгляды, оценивая перспективность партнера. Некоторые быстро теряли интерес, лишь оценив стоимость одежды на нем. Были и такие, кто открыто посмеивались над неумелыми танцевальными движениями Марка, усиливавшими его ореол зауряднейшего провинциала. Увы, танцы в детском доме были предметом, мягко сказать, нетерпимым.

Курт оказался в этом деле и быстрее, и успешнее. И десяти минут не прошло, как он тесно прижимался к третьей или четвертой девушке, нагло обхватывал их позади, вокруг живота и двигался в такт их телодвижениям. Так просто и легко, словно он хозяин этой вечеринки. В ходе этого праздника души друзья пересеклись многозначительными взглядами друг с другом, говорящими, что все идет в правильном русле.

Среди танцующих парней практически не было, но вот, подобно тому, как свинья невольно находит грязь, Марк набрел на задиристого парнишку, нечаянно ударив его локтем, когда вытанцовывал. Уязвленный таким поведением тип завелся с пол-оборота и, схватив Марка за воротник рубашки, стал повелительно притягивать к себе. Марк не растерялся, а двумя согнутыми в фалангах пальцами сдавил нос противника и медленно так принялся выкручивать его, отчего противник полностью потерял всякую власть над ситуацией. Свободной рукой Марк поймал его грабли, а другой продолжал свои манипуляции, отчего нос стал темнее сливы. Марку важно было показать противнику, какое удовольствие он испытывал при этом, какое это блаженство – унижать жалкое ничтожество.

Неожиданно объявившийся спаситель кривоносого принялся пробивать дорогу к Марку, чтобы с ходу нанести удар, но его туннельное зрение, сосредоточенное на цели, не позволило заметить Курта. Тот молча сделал удар в голову одному неприятелю, затем второму, утратившему дар различать запахи, отчего оба бессознательно распластались на полу. Музыка неожиданно прервалась, и последовал резкий визг девушек, разбежавшихся по сторонам. От волнения они держали руки у рта, но к лежащим никто подступиться не пожелал. Курт схватил под плечо своего друга и не оглядываясь потащил его прочь из клуба.

– Куртка осталась на стуле, – вспомнил Марк.

– Деньги с собой? – спросил Курт.

– Да, здесь.

– Тогда черт с ней, купишь еще. Нам нужно уходить, мало ли что еще. Вдруг полицаи заявятся.

Уже в паре сотен метров от клуба они остановились и закурили.

– Все настроение испортили, – сплюнул Марк.

– А по мне, все прошло довольно весело.

– Ничего веселого, я куртку потерял.

– Да черт с ней, с твоей курткой, – жалкие лохмотья! Купишь новее и лучше, – довольно грубо подбодрил его Курт.

– Теперь уж точно куплю, черт меня побери, хотя... – вдруг неожиданно медленно сказал Марк, – спасибо, что поддержал, дружище!

– Да ерунда, говорю же! Мне было действительно весело. Нужно всегда так относиться ко всему мирскому.

– Я, конечно, постараюсь, но со своим воспаленным гневом я дня три не могу справиться, – признался Марк.

– Серьезно? Я тебя научу минут за пять.

– Да ладно!

– Не веришь?

– Ни капли!

– Пошли – покажу, – сказал Курт и потянул своего товарища за плечо.

– Мне уже не очень хорошо, – начал остывать Марк. – Куда тебя опять несет?

– В бордель! – гордо возвестил Курт.

– В бордель?! – переспросил Марк. – Я не хочу!

– Ты боишься? – спросил Курт загадочным голосом.

– Нет. Просто я думаю, мне не понравится иметь дело с женщинами, которыми пользуется добрая половина города. И меня уже мутит от алкоголя, – добавил он.

– Забудь свои устаревшие предрассудки, – завел свое Курт. – Положись на меня! Это тебе не твои скучные и неопытные студенточки. То место, в которое я тебя веду, любят и политиканы, и миллионеры. А им, поверь мне, лучше знать, где их ждут настоящие самородки.

– Но у нас нехватка денег на все удовольствия, – вспомнил Марк.

– Хватит на все! – заверил Курт. – Сегодня будет твой день, я бы сказал, день твоего рождения, мм... в смысле, озарения. Сегодня ты должен принять одну истину, что качество жизни важнее самой жизни. Только, пожалуйста, не надо опять оправдания жалкого трусишки.

– Я тебе не трусишка, но... – не успел договорить Марк, и они остановились у небольшого крыльца некоего скромного заведения, с виду и по запаху напоминавшего древнюю парикмахерскую.

– Мы пришли, – объявил Курт и, вновь подхватив своего друга под плечо, жестко потянул к двери.

Внутри оказалось не все так скромно, как это выглядело снаружи. Я бы сказал, что внутреннее убранство возмущало своим шиком и помпезностью, отчего в головах людей среднего достатка, оказавшихся здесь, рождались мысли, что их тут совсем не ждут и вовсе не уважают.

То же самое прочувствовал и Марк, бросив взгляд на окружающую обстановку. Расписные потолки с искусной лепниной, дорогие репродукции мастеров Средневековья с то и дело мелькавшими оголенными девушками, шикарная кожаная мебель, мраморный пол, огромный горящий камин и буйство красной бархатной ткани вокруг.

Посреди комнаты стояла красивая девушка в деловом пиджаке и короткой юбке. Лицо ее венчала искренне довольная улыбка, вызывавшая в уме чувство умиротворения.

– Мы вас горячо приветствуем, дорогие путники, в нашем скромном заведении, – сказала она молодым людям. – Могу ли я вам предложить шампанского или что-нибудь покрепче пожелаете?

– Ничего, спасибо... – начал дрожащим голосом выдавливать Марк, но его прервал Курт.

– Мы будем шампанское с икрой!

– Тогда, пожалуйста, присаживайтесь, сейчас вам подадут.

– Сегодня много девушек свободны? – самоуверенно спросил Курт, положив ногу на ногу.

– Сегодня в вашем распоряжении одиннадцать девушек, – ответила она.

– Я, пожалуй, выберу одну для моего друга, – предложил Курт.

– А ты что будешь делать тогда? – возмутился Марк.

– Я уже бывал в этом заведении несколько раз, не так ли, моя прекрасная Лилит, – спросил Курт девушку.

– Да, – ответила она. – В прошлом году вы посещали нас несколько раз, и затем о вас долго не было слышно.

– Я был в Британии, по делам, – утолил Курт ее интерес.

– И мы рады, что вы вновь к нам вернулись, – улыбнулась она.

– Вы лучшие!

– Спасибо, мы заботимся о своем имидже, – сказала она, передавая из рук служащего два нагло-высоких бокала шампанского на золоченом подносе с такой же золоченой икорницей.

– Сначала выберем девушку для моего друга, а затем я присмотрю кого-нибудь себе, раз он такой подозрительный, – распорядился Курт.

– Очень хорошо! – улыбнулась она. – Наши девушки вас никогда не разочаруют, – добавила она, прямо посмотрев на Марка, и словно по команде медленно вышли одиннадцать девушек в нижнем белье, цокая каблучками по мраморному полу. Будто тренированные цирковые голубки, они выстроились идеальным полукругом перед друзьями, и каждая из них приняла выгодную для себя позу, максимально раскрывавшую прелести.

Все еще ошеломленный Марк просчитывал в голове, на какие деньги эти все удовольствия, и тщетно пытался выглядеть смелее. Выбрать он однозначно не мог. Ни наглости, ни опыта. В конце концов, Курт сделал кивок головой в сторону одной из них, после чего та вышла на полшага вперед.

– Ну все, счастливого пути! – напутствовал Курт, и Марк уже в предвкушении новых открытий, но все еще не теряя бдительности, оторвал свой зад от дивана. «К черту деньги, – решил он, сегодня я получу то, чего я заслуживаю, а там разберемся».

***

Его пассия предстала этакой жгучей брюнеткой лет двадцати пяти с огромной грудью идеальной формы и узкой талией. Изящное лицо с красивой формой блестящих глаз, вздернутым носиком и кроваво-красными губами, изогнутыми в дерзкую улыбку искушенной шалуньи. Марк поднимался по лестнице, подхваченный под руку, и думал, как такая девушка могла вообще оказаться здесь. Обычно дам схожих достоинств видишь сидящими в роскошных автомобилях либо в дорогих ресторанах, совсем не знакомых с нуждой, ежедневной работой и необходимостью вести домашнее хозяйство. Отметил он и то, как неуверенно он выглядит, и как безукоризненно – она.

– Меня зовут Анастасия, – представилась она. – Как к вам обращаться, мой молодой мужчина?

– Марк, – промямлил Марк, но потом чуть тверже повторил свое имя.

– Хотите еще немного шампанского, Марк?

– Нет, спасибо, алкоголя с меня сегодня довольно, – отказался он.

– Ну тогда давайте начинать наше сказочное путешествие, – предложила она и посадила все еще смущенного Марка на прикроватный пуфик.

Очень изящно она обхватила его шею кончиками пальцев и села ему на колени, выставив в выгодном свете свою шикарную грудь. Затем ее руки оказались на пуговицах его рубашки, ниже и ниже, а ее губы уже блуждали по его лбу и вискам. Все поначалу было медленно и спокойно, затем немного быстрее, и вдруг дерзкий рывок.

По едва видимым ноткам отклика на ее действия она раскусила то, что хотел получить Марк, а значит, дальше все пошло, как в самом лихо заверченном немецком фильме для взрослых. Точно так, как это видит и потому мечтает любой изголодавшийся юнец. Именно сегодня он мог с силой сжимать великолепную грудь, не доступную по размерам молодым студенткам. Именно здесь он хлестал ее по заду, душил, наматывал на кулак ее волосы. Его пальцам была дана невероятная свобода доступа в самые запретные места, всюду, где желали проникнуть в природу женского тела. С ней он мог реализовать все свои самые потаенные прихоти, все, на что была велика его фантазия.

Но и она не оказалась скромницей, а настоящей пышногрудой валькирией, вероломно берущей свое. Ее когти впивались ему в грудь, ее губы выжигали на шее багровевшие засосы, его щеки пылали, оттого что она жестко хлестала их. Без жалости, на грани боли и удовольствия. Ее рука сдавливала ему горло, а он зверел от своей страсти, в предвкушении новых открытий. Она двигалась так, она принуждала двигаться так, словно выдавливала из него максимум жесткости, напора и, в конце концов, удовольствия. О боже, как она кричала, – это была лучшая музыка для ушей каждого из мужчин, мужчин-воинов, мужчин-победителей.

***

Первые минуты по дороге из замка удовольствий они оба шли молча. Марк улыбался уголками губ, а Курт чуть позади поглядывал на него уголками глаз. Вдруг Марк внезапно остановился, замер, словно дирижер перед началом концерта, и разрываемый переизбытком чувств, как заорет во тьму тихого квартала:

– А-а-а. Я, вашу мать, отжарил богиню, я был на чертовых небесах!

Курт дружески похлопал друга по плечу и толкнул его дальше, по узким немецким улочкам, где Марк раньше ни разу не бывал. Оба снова молчали, улыбались, находились в приятных размышлениях. Каждому не хотелось, чтобы эта ночь заканчивалась слишком скоро.

– Ты как, – спросил его Курт, – еще держишься?

– Мне сейчас так хорошо, что даже не знаю, как это выразить словами, – ответил ему Марк.

– И не нужно, дружище! Это всего лишь начало, и дальше нас ждет еще много приключений на задницу. Ты, главное, больше доверяй мне. Ведь я уже успел многое попробовать на зуб и узнать, где истинный источник вечного счастья. Уж наша жизнь точно не должна быть заурядной липкой жижей, в какой поддыхает великое большинство.

– Я бы и сам не хотел быть скучной заурядностью и считаю, что нам следует еще много чего в жизни перепробовать, – вторил Марк. – А затем можно и остепениться.

– Полностью согласен! Во мне давно уже витают мысли, что нужно сначала найти в жизни то, к чему именно стоит стремиться, и лишь потом добиваться этого. По-моему, это и называется «развить вкус к жизни», и именно к этому я склоняю тебя. Иногда слушай, что я говорю! Борись со своим внутренним голосом, поющим трусливые песенки и ограничивающим тебя в свободе. Его цель – оградить тебя от хлопот и опасностей. Потому он твой главный враг на пути к твоему будущему. А послушаешь его, останешься неудачником, каких везде навалом. Они вечно жалуются на свой дарованный отрезок жизни и... я таких просто презираю! Никому они, к чертовой матери, не нужны. Ни черту, ни богу.

– Согласен, – отозвался Марк. – Мне сейчас в голову пришло, что жизнь все-таки нужная штука и должна быть удовольствием. А то, что делаешь с удовольствием, – делаешь в лучшем виде.

– Правильно мыслишь, – распалился Курт. – И вправду весь этот мир строится на удовольствии. Тебя любят настолько, сколько удовольствия ты сам даешь окружающим. Будь ты кем угодно, пусть даже расклейщиком объявлений. Но если ты приносишь удовольствие людям своим разумом, своей работой, то тебя любят, тебя уважают и, конечно, вселенная благодарит тебя всем, чем захочешь.

– Хм... а это интересная позиция, – отметил Марк. – Мне почему-то сейчас трудно найти изъяны в твоей аргументации.

– И не ищи. Скорее всего, их не так уж и много. И будешь при этом выглядеть жалко, словно слушаешь оправдания двоечника по жизни. Вряд ли кто-то захочет ценить тебя за ужасы серого быта.

– Я все-таки не отстану от этого воззрения, хотя сейчас мне в голову ничего не лезет, а возможно, я просто не хочу, чтобы сегодняшние удовольствия прекращались, – несло Марка.

– Ну... у нас еще есть немного денег, – вспомнил Курт. – И мы даже можем спокойно выпить и посмеяться на одном квартирнике. Там же и переночевать, если что. Кстати, познакомлю тебя с интересными людьми, такими королями андеграунда местного разлива. Музыканты, художники, барды и просто бездельники. Они живут и просто ловят кайф целыми днями. Нам нужно немного подучиться у них. Бывают там и не особо капризные дамы. Нередко они распяются от теплоты человеческих чувств, всеобщего единения и нежности, льющейся с каждой дыры, а затем...

– Годится! – уверенно подхватил Марк.

– Тогда пошли!

– Так значит, получай удовольствие и умея доставлять его другим, – задумчиво произнес Марк.

– Именно так, мой юный ученик! Ты быстро растешь.

***

Остаток вечера был меньшим удовольствием для тела, но большим удовольствием для души. Их горячо встретили в маленькой тесной квартирке с выцветшими обоями и скромной мебелировкой. Уют здесь как таковой отсутствовал, даже сказал бы, что там было просто студенчески скудно. Но все-таки те, кто бывал тут прежде, тепло вспоминал о проведенном времени.

Хорошо запомнились клубы тумана от сигарет и марихуаны, плотно висящего под потолком, и два больших белых бюста Сталину и Ленину, с повязанными на их шеях алыми пионерскими галстуками. Словно идола былой эпохи, стояли они на низких, с любовью побеленных колоннах, перед красным гобеленом во всю стену. «Наши цели ясны, задачи определены!» – гласил коммунистический лозунг желтыми буквами на бархате, наверное, еще с шестидесятых.

Сегодня друзья познакомились с десятком других гостей. Все как один молоды, хотя бы душой, все свободолюбивы и немного повернуты на хипповой восторженной жизни. Вокруг журнального стола, заваленного окурками, бутылками и пачками сигарет, они всю ночь пели под гитару, шутили, смеялись и чувствовали себя как никогда счастливыми, как никогда самыми живыми, настоящими людьми.

***

На учебу друзья решили не заявляться на следующий день. Уж слишком большой риск показаться не в самом трезвом виде. Но на работу Марк пойти все-таки отважился. Проспав до обеда, он направился в общий умывальник и с удивлением обнаружил, кроме отвратительного привкуса во рту и засосов на шее, еще крепкий такой синяк под правым глазом.

– Да ладно! Ты-то откуда взялся? – удивился он вслух. Но как ни пытался, так вспомнить ничего не удалось. Конечно же, денег тоже совсем не осталось. Из кармана вывалилась мягкая пачка самых дешевых сигарет с просыпавшимся табаком, купленная, разумеется, на жалкие остатки последних монет.

Вот после таких поворотов и начинается настоящая, до чертиков осязаемая трезвая жизнь – первое, что подумал Марк.

***

Автодед серьезным давящим взглядом посмотрел Марку в глаза, в которых все читалось словно с холста, затем неодобрительно мотнул головой и расплылся в улыбке.

– Если тебе понадобится занять денег до получки, то ты не стесняйся, сынок, говори сразу, – неожиданно мягко произнес дед.

– Я думаю, пока продержусь, но спасибо вам большое, – отозвался Марк.

– А знаешь что, ты молодец! Надеюсь, ты как следует задал трепку тем фрау. Я в своей молодости и сам не был примером для подражания и видишь, вроде не оказался последним подонком на этой земле. А что до синяка, ну что сказать, мы мужчины, и никуда от этого не денешься.

– Все было нормально, – начал оправдываться Марк, – я даже...

– Да не важно, иди домой, отоспись и завтра приходи как обычно.

– Спасибо вам, я обязательно отработаю... – обрадовался Марк.

– Проваливай, пьяница и балагур! – шутливо попрощался дед.

Глава 16

Но было еще кое-что, жутко досаждавшее Марка в эти счастливые студенческие годы. И наивно он полагал, что сумеет перебороть эти мысли, что пройдут они сами собой. Кто и где все-таки мои родители – упорно спрашивал он себя в самых неожиданных местах.

Достигнув совершеннолетия и вместе с ним обретя некоторые права, Марк принялся атаковать директора приюта, в котором вырос, через письма, пытаясь выведать хоть крупицу информации о них. Но все оказалось без толку. Ответ был совершенно таким, какой он и ожидал получить, а именно, много воды и ничего по делу.

Итак, вот что было написано в самом последнем ответном письме:

«Марк N (без фамилии) был доставлен отделом опеки МВД города S такого-то числа, такого-то года. С собой сопроводительных документов и личных вещей не имел. Кто его родители и чем они занимались – узнать у ребенка не удалось, кроме имени матери – Мария N (без фамилии). Кроме того, ребенок на контакт с сотрудниками не шел, отказывался от пищи и общения (хотя уже достаточно хорошо умел говорить), настоятельно требовал своих родителей, фамилию которых назвать не сумел. Родственники в течение срока содержания в службе опеки и приюте города S не объявлялись». Дальше шли заключения предварительного осмотра и акты годности для содержания в детском доме общего режима, и никакой толковой информации, разъясняющей его происхождение. Но все же в конце ответа были даны кое-какие рекомендации, откуда еще начать поиски и куда стоит попробовать обратиться за советом.

Вслед за приютом под письменную бомбардировку посчастливилось попасть еще нескольким организациям. Среди прочих оказались упомянутая служба опеки, служба розыска потерянных людей, родительский комитет Германии и некоторые другие. Письма были направлены в полицию и даже в службу безопасности страны.

В них сообщалось, что такого-то числа при странных обстоятельствах он оказался в службе опеки, лишившись при этом обоих родителей. И далее выражалась просьба связать дату и близлежащие события с его обнаружением.

Но и здесь все попытки оказались провальными. В большинстве конторок просто игнорировали его письменные обращения, но кое-где даже завязалась приятная переписка с вежливо уклоняющимися должностными лицами. Хотя и дело почти не сдвинулось с места, но сдаваться он не собирался. Слишком сильным было желание, наконец, расставить все точки над «и».

В ход пошли чиновники, один за другим, и, к своему удивлению, многие давали свой письменный ответ, а иногда даже и отчет о проделанной работе. После них идти было некуда. Раз за разом он требовал, просил и даже умолял. Не бывает такого, чтобы люди просто исчезли и никто об этом не знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.